

054

Театръ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА
НА ЖУРНАЛЪ„Театръ
и
Искусство“.Съ доставк. и перес. на
годъ 7 р., на полг. 4 р.Отд. №№ продаются по
20 к. Объявл.—80 к. со
стр. пет.Адресъ редакціи и главной конторы
Моховая 45.Отдѣленія: въ Москвѣ—въ конторѣ Н. Печ-
ковской—въ Одессѣ—при книжномъ мага-
зинѣ С. В. Можаровскаго въ пассажѣ.
Рукописи, достал. безъ обознач. гонорара,
считаются безплатными.Мелкія рукописи не сохраняются.
Телефонъ ред. № 1669.

Искусство

1903 г. VII годъ изданія. ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ. ВОСКРЕСЕНЬЕ, 5 Октября.

СОДЕРЖАНИЕ: Скользкій путь.—Замѣтки.—
Театръ и Искусство. III. С. Сутунина.—Хроника
театра и искусства.—Маленькая хроника. — Въ
преддверіи. А. Кручинскаго.—Письма въ ре-
дакцію.—«Юлій Цезарь» въ Художественномъ
театрѣ. Н. Э.—са.—Изъ записной книжки *Ното-
новис*.—Письмо изъ Саратова. Оба.—Провинціаль-
ная лѣтопись.—Объявленія.Рисунки: «Вчера» (2 рис.), П. А. Стрепе-
това въ роли Лизаветы (съ карт. *И. Е. Рппина*),
Кокленъ въ роли «Сирано де-Бержеракъ», «Власть

№ 41.

денегъ» (3 рис. С. Панова), г-жа Легаръ (шаржъ),
2 каррикатуры на Вагнера.Портреты: Г-жи М. Фигнеръ, Н. К. Гоф-
манъ, А. К. Колосовой.Библиотека, кн. 19-я. Господинъ директоръ.
Романъ Ф. фонъ-Добельтъ. Перев. П. П. Неморо-
дова (продолженіе).—Стихотвореніе. З. Бужаро-
вой.—«На Дальній Востокъ» (изъ путевыхъ впе-
чатлѣній актера) Гендъ (продолженіе).—Библио-
графія.—«Геростратъ» трагедія въ 5 д., въ сти-
хахъ, В. Кожевникова и А. Скарятина.продолжается ПОЛУГОДОВАЯ (съ 1 Іюля) подписка
НА ЖУРНАЛЪ
„Театръ и Искусство“
(седьмой годъ изданія).

Подписная цѣна — 4 руб.

Съ 1 января 1903 г. по конецъ года — 7 р.

С.-Петербургъ, 5 октября 1903 г.

На-дняхъ, какъ намъ передавали, въ Совѣтъ Театральнаго Общества поступило на разсмотрѣніе крайне интересное, съ принципиальной точки зрѣнія, дѣло, по иску артистки, г-жи Станилевичъ, къ антрепренеру, г. Сабурову. Въ немногихъ словахъ, дѣло заключается въ слѣдующемъ: г-жа Станилевичъ отказалась ѣхать съ г. Сабуровымъ изъ Одессы, гдѣ она играла въ труппѣ „Фарсъ“, въ Москву въ театр „Эрмитажъ“. Такъ какъ въ „нормальныхъ контрактахъ“ (такъ, для краткости, станемъ называть принятые въ Бюро Театральнаго Общества договоры) право антрепренера перевозить труппу изъ города въ городъ ясно оговорено, то, казалось бы, если кто имѣетъ право искать неустойку, такъ это г. Сабуровъ. Г-жа Станилевичъ же взглянула надѣло иначе—и заявила претензію на получение неустойки съ г. Сабурова, мотивируя претензію, главнымъ образомъ, тѣмъ, что на сценѣ театра „Эрмитажъ“, послѣ представленія фарса, давались еще номера дивертисмента или, какъ выражается истица, кафе-шантана.

Сопоставляя претензію г-жи Станилевичъ съ оставленіемъ службы у екатеринославскаго антрепренера г. Мурскимъ, по соображеніямъ „эстетическаго характера“, мы получаемъ такое обширное внѣдреніе личной „эстетики“ и личной „морали“ въ область

договорныхъ отношеній, что сила договора превращается въ совершенную фикцію.

Мы не касаемся здѣсь бытовыхъ особенностей этой любопытной претензіи, напимѣръ, того, что названная артистка участвовала, помнится намъ, въ „Обозрѣніяхъ“, въ качествѣ „обозрѣвательницы“,—жанръ, во всякомъ случаѣ, близкій къ кафе-шантанному, если не совпадающій съ нимъ. Постараемся остаться на строго - объективной почвѣ сужденія о явленіяхъ, а не о лицахъ. Несомнѣнно, что договоръ можетъ почитаться нарушеннымъ только въ томъ случаѣ, если договоренный артистъ понуждается дѣлать то, къ чему договоромъ не обязывался. Оцѣнка же репертуара, порядка веденія дѣла или театральной сцены (если не оговорено особо, на какихъ сценахъ артистъ соглашается играть),—есть дѣло вкуса и критическаго пониманія артиста, но никакъ не предлогъ для расторженія договора, да еще съ отвѣтственностью предпринимателя, какъ яко бы виновной стороны. Актерамъ слѣдуетъ помнить, что изъ договоровъ изъяты знаменитые „три дебюта“, послѣ которыхъ неодобреніе антрепренера могло повлечь расторженіе договора. Возставая противъ „дебютныхъ спектаклей“ въ нашемъ мнѣніи, которое, къ чести антрепренеровъ, не встрѣтило съ ихъ стороны никакихъ возраженій, мы исходили изъ того, на нашъ взглядъ, безспорнаго положенія, что договаривающіяся стороны предполагаются дѣйствующими сознательно, что „бачили очи що куповали“, какъ говорятъ хохлы, и что за ошибку въ приглашеніи артиста долженъ платиться не послѣдній, ибо онъ ничѣмъ не виноватъ, но антрепренеръ, не достаточно ознакомившійся съ артистическою индивидуальностью того, кого пригласилъ. Уничтоженіе „трехъ дебютовъ“, которые при желаніи освобождали антрепренера отъ договора и оставляли актера на улицѣ, слѣдуетъ считать самымъ важнымъ и доро-

гимъ завоеваніемъ справедливости въ области театральныхъ договорныхъ отношеній. Антрепренеръ отнынѣ несетъ отвѣтственность за свои дѣйствія по подписанію договора, свой вкусъ и свою предусмотрительность. Но точно также и актеръ долженъ нести свою отвѣтственность. И онъ, при подписаніи договора, предполагается осматривательно дѣйствующей и разумно соображающей стороной. И его „очи“ „бачили що куповали“, и за его ошибку—буде таковая была—долженъ платиться самъ онъ, а никакъ не антрепренеръ, тѣмъ болѣе, что съ интересами послѣдняго связаны цѣлое дѣло и заработокъ многихъ.

Въ частности, вопросъ о театральныхъ „жанрахъ“, какъ основаніи для измѣненія и осторожнаго договорныхъ отношеній, требуетъ крайне осторожнаго къ себѣ отношенія. Плохая трагедія можетъ быть пошлѣе хорошей оперетки. Шансонетку поетъ Жюдикъ, превращая ее въ произведеніе, полное красоты и поэзіи,—трагедію игралъ покойный анекдотическій актеръ, Выводцевъ, превращая ее въ балаганъ. Въ фарсъ канканируютъ во время дѣйствія, — и это „драматическій родъ“; но когда канканируютъ послѣ—это кафе-шантанъ.

Не споримъ, иногда актеру, уважающему искусство, которому онъ служить, невтерпѣжъ становится отъ безпорядка и безобразія дѣла. Его можно и должно пожалѣть и отнестись къ нему съ полною снисходительностью. Но крайне рѣдки, почти невозможны, случаи, чтобы дѣльный и добросовѣстный антрепренеръ вдругъ сталъ бездѣльнымъ и недобросовѣстнымъ. Когда подписывается контрактъ — на что мы неоднократно указывали — слѣдуетъ обращать вниманіе не на окладъ жалованья, на что только и обращается вниманіе, но на то дѣло, въ которое идешь служить, и на лицо, къ которому идешь на службу. Кто онъ? Какія гарантіи порядочнаго веденія дѣла онъ представляетъ? Каковъ его цензъ? характеръ? каковы взгляды на театр? Если часто ошибаются городскія управы, при сдачѣ театровъ, то вѣдь онѣ постороннія театру учрежденія, но актеры предполагаются хорошо знакомыми со всѣмъ, что относится къ театральной области. Надо какъ можно рѣже ошибаться—вотъ единственный совѣтъ, который можно дать антрепренерамъ, берущимъ неподходящихъ актеровъ, и актерамъ, поступающимъ въ неподходящія дѣла. Театральное дѣло должно быть союзомъ, нравственною общностью связанныхъ, людей—только тогда оно можетъ достигнуть высоты художественнаго учрежденія.

Литературно-театральному комитету, склонному къ обидчивости, мы рекомендуемъ довольно серьезный поводъ обидѣться — разумѣемъ случай съ переводомъ „Благодѣтелей человечества“ г. Немвродова, одобреннымъ комитетомъ еще два года назадъ, и однако замѣненнымъ на сценѣ московскаго Малаго театра переводомъ нѣкоторой, весьма, вѣроятно, замѣчательной, стилистки, г-жи Юкельсонъ, — переводомъ, до самаго послѣдняго времени на разсмотрѣніе комитета не поступавшимъ.

Если не ошибаемся, существовалъ проектъ *заказывать* переводы иностранныхъ пьесъ, и только заказанные переводы ставить. Безъ сомнѣнія, такъ дѣло было бы гораздо проще и яснѣе. Тогда авторамъ не было бы нужды въ двухъ экземплярахъ переписывать свои переводы для представленія въ комитетъ, а послѣдній былъ бы избавленъ отъ обязанности утруждать себя одобреніемъ тѣхъ переводовъ, которые оказываются ненужными.

1 октября въ Убѣжищѣ для престарѣлыхъ артистовъ было отслужено молебствіе по случаю двадцатой годовщины существованія Русскаго Театральнаго Общества. Не считая двадцатилѣтіе юбилейнымъ срокомъ, Совѣтъ не устраивалъ никакого официального празднованія, ограничившись скромнымъ домашнимъ чествованіемъ памятнаго дня.

Къ 3 часамъ въ залѣ Убѣжища собрались пенсионеры его, члены Совѣта: М. Г. Савина, В. В. Иловойскій, Н. Ф. Арбенінъ, В. В. Билибинъ и В. В. Быховскій, Н. Н. Волковъ-Семеновъ и нѣсколько артистовъ, служащіе канцеляріи и воспитанники пріюта Общества. По совершеніи прот. В. Ф. Пигулевскимъ молебствія, присутствующимъ былъ предложенъ чай. А. Е. Молчановъ, отсутствовавшій по нездоровью, прислалъ привѣтствіе собравшимся, которые отправили ему телеграмму слѣдующаго содержанія:

«Въ знаменательный день двадцатилѣтія Русскаго Театральнаго Общества, собравшіеся члены его и пенсионеры Убѣжища шлютъ горячій привѣтъ глубоко чтимому старѣйшему члену Общества и создателю лучшаго его дѣла, искренно желая ему силъ, здоровья и энергіи. Дѣти просятъ поклониться».

Откладывая очеркъ дѣятельности Общества до дѣйствительнаго юбилея его, наступающаго черезъ пять лѣтъ, ограничимся здѣсь нѣсколькими словами, такъ сказать, офиціозной историографіи.

Въ 1883 году кружку лицъ, составленному изъ выдающихся нашихъ дѣятелей театра и литературы, пришла мысль организовать общество вспоможенія сценическимъ дѣятелямъ. Въ октябрѣ 1883 г. былъ утвержденъ уставъ и первымъ предсѣдателемъ общества былъ избранъ А. А. Краевскій. Въ первый же годъ Общество выдало пособій на 3,728 р. Первыми пожизненными членами общества записались Н. П. Карабчевскій, В. П. Погочевъ, Ф. И. Базилевскій, С. Н. Худековъ, г-жа Вильбасова и др.

Въ 1894 г. общество переименовано въ „Русское Театральное“.

Въ слѣдующемъ 1895 году Государю Императору благоудно было принять общество подъ Свое покровительство. Въ октябрѣ этого года открывается Убѣжище для престарѣлыхъ артистовъ имени Императора Александра III. Первыми артистами, имѣвшими пріютъ въ Убѣжищѣ, были М. Т. Ивановъ-Козельскій и Л. Н. Цеголева, вступившіе въ него въ день открытія.

Въ мартѣ 1897 г. состоялся первый Съездъ сценическихъ дѣятелей въ Москвѣ, въ зданіи Малаго театра.

Въ 1900 г. Высочайшимъ указомъ на должность президента общества былъ призванъ Его Высочество Великій Князь Сергій Михайловичъ, а въ 1901 г. по Высочайшему указу предсѣдатель общесгва А. Е. Молчановъ назначенъ вице-президентомъ.

Въ настоящее время общество обладает капиталомъ въ 214,000 рублей и соорудило зданіе Убѣжища и пріюта для дѣтей артистовъ въ 120,000 руб.

Весьма симпатичную замѣтку посвящаетъ 20-лѣтію Т. О. г. Старый Журналистъ въ „Биржев. Вѣдом.“. Приводимъ небольшой отрывокъ.

Названному обществу посчастливилось при возникновеніи и позднѣе заинтересовать въ своей судьбѣ писателей и актеровъ съ отзывчивыми душами, съ настойчивыми характерами и съ организаторскими дарованіями. Не вдаваясь въ подробныя указанія, что именно внесено каждымъ въ отдѣльности лицомъ для преуспѣнія Общества, — напомнимъ, что В. С. Кривенко, Я. А. Плюшевскій-Плюшникъ, А. Е. Молчановъ, А. А. Потѣхинъ, А. Р. Кугель, Н. А. Лейкинъ, П. М. Медвѣдевъ, В. Р. Шемаевъ, М. Г. Савина, Н. А. Стрепетова проявили въ дѣлѣ общества заботливость, рѣдко проявляемую въ средѣ благотворителей.

Перечень лицъ далеко не полный. Позволимъ себѣ внести, впрочемъ, лишь одну поправку въ этотъ, продиктованный искреннею благожелательностью, отзывъ: Т. О. давно перестало быть „средой благотворителей“. Оно стало центромъ бытовыхъ и нравственныхъ интересовъ театра. И этимъ оно обязано, конечно, не только успіямъ отдѣльныхъ лицъ, но и коллективной работѣ всего сценическаго міра. Дѣятели и организаторы общества могутъ плодотворно работать только до тѣхъ поръ, пока ихъ поддерживаетъ русскій сценическій міръ. Привѣтствуя Т. О., не забудемъ помянуть добрымъ словомъ возросшую мощь и самосознательную силу русскаго сценическаго міра...

— ТЕАТРЪ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБЩЕСТВА. —

«Вчера» В. О Трахтенберга. Дѣйствіе 3.

Огурцовъ и Хроменко.

Театръ и искусство *).

III.

Теорія «искусство для искусства» значительнымъ успѣхомъ въ Россіи никогда не пользовалась. Къ ея послѣдователямъ не относились достаточно серьезно. Мало уважали. А если бы они стали говорить, что хранятъ «жертвенникъ красоты», а красота есть вѣнецъ творенія, то имъ на это бы отвѣтили, что пусть бы и вѣнецъ, но не корень и не сущность творенія. Кузьма же Прутковъ училъ «глядѣть въ корень», а бурсаки въ литературѣ все толкали на «суть». Можетъ быть, что отъ этого малаго уваженія—почти презрѣнія—эстетики выродились и въ концѣ концовъ запѣли что-то уже въ самомъ дѣлѣ очень незначительное. Какъ бы то ни было—красоту—въ русской литературѣ—за послѣдніе десятки лѣтъ сильно обезцѣнили. Тогда ее перестали искать тамъ. А кому она нужна была, тотъ пошелъ за ней въ театръ. И за красотой, и за романтизмомъ. За полновѣчнымъ чувствомъ—темпераментомъ.

Студенты дѣлили свободные часы между чтеніемъ критики толстыхъ журналовъ и оперой. Подраздѣлили: въ текущей литературѣ черпали пищу для ума и «души»; въ оперѣ—для чувствъ. Драма оставлена была интеллигенціей въ пренебреженіи. Неизвѣстно было куда ее дѣть, въ какой разрядъ поставить. Репертуаръ—за исключеніемъ уже переставшаго писать Островскаго—отъ литературы отсталъ и слѣдовательно замѣнить литературу въ «умственномъ» отношеніи драматическій театръ не могъ; съ другой стороны не выдерживалъ онъ конкуренціи съ оперой въ смыслѣ услажденія чувствъ. Театръ существовалъ, поддерживаемый «солидной» публикой—буржуазіей и чиновничествомъ.

Мнѣ все хочется доказать, что не случайно «столпы» теперешней беллетристики—Чеховъ, Горькій—пишутъ послѣднее время исключительно для театра. Чего-то они не нашли въ литературѣ—пошли за нимъ въ театръ, и я думаю, что это «что-то» есть нѣчто душевно-теплое, согрѣтое свѣтомъ раппы, таящееся въ сумеркахъ кулисъ, тамъ, въ постоянной сутолокѣ, сорѣ и безпорядкѣ нашедшее все-таки себѣ уютное мѣсто. Не убѣждало-ли оно туда, это «что-то» отъ холодныхъ требованій пользы, отъ суроваго чела русской литературы? Захотѣли-ли писатели—какъ еще мечталъ объ этомъ Гоголь—тѣснѣйшаго общенія съ читателемъ—зрителемъ? Страстное желаніе, чтобы слово не оставалось только словомъ, чтобы изъ него какъ можно нагляднѣе вытекало дѣло—желаніе, для котораго Толстой отказался отъ «чистаго художества»—отъ бесѣды при посредствѣ живыхъ образовъ, и сталъ говорить словами?

Не знаю, что именно. Но, какъ говорятъ въ «Чайкѣ», у Чехова «что-то есть». Можетъ быть, потому стали они писать для театра, что имъ дороже общеніе съ той средой, которая ходитъ въ театръ, чѣмъ съ тѣми, которые читаютъ толстыя книжки журналовъ и отдѣльныя изданія. Какъ та, такъ и другая публика довольно строго опредѣленная и во многомъ различная. Аудиторія литературы—болѣе интеллигентная, болѣе «серьезная». Въ литературѣ скорѣе ищутъ «отвѣтовъ на запросы души», поученія; въ театрѣ—удовольствія, развлеченія. Театральная зала состоитъ изъ людей практической жизни,—зала читальная, по преимуществу, изъ тѣхъ, кто еще только готовится, «прицѣливается» жить. Въ театрѣ царствуетъ дѣйствіе, въ литературѣ—слово.

Каждый изъ этихъ признаковъ, въ отдѣльности, мало характеренъ, но въ общемъ, они довольно рѣзко разграничиваютъ области—театра и литературы.

Настоящіе «театральные люди», какъ извѣстно,

*) См. № 39.

литературу не очень обожаютъ. «Ну, это—пошла литература!» — выражаются они, когда начинаются разговоры не достаточно эффектные, или дѣйствія впередъ не подвигающіе, повидимому не необходимые. Ими отождествляется «литература» и «разговоры», причемъ первое произносится, съ отгѣнкомъ еще большаго презрѣнія, чѣмъ второе.

Театральные люди знаютъ свою публику, знаютъ, что она пришла сюда не для «разговоровъ» и не для «литературы». Она пришла испытывать, чувствовать. Не слушать разсужденій и не разсуждать. За чувствами пришли сюда всѣ: и зрители, и актеры, и тѣ, которые пишутъ для нихъ и о нихъ—за непосредственнымъ, искреннимъ чувствомъ, какъ ни странно звучать эти опредѣленія, когда говоришь о театрѣ.

Непосредственность... искренность... Полно значенія то обстоятельство, что Чеховъ прельстилъ читающую публику именно искренностью и непосредственностью какъ разъ послѣ долгаго владычества въ русской литературѣ изысканно-страдальческаго, «жестокаго таланта» Достоевскаго, который думалъ, что онъ проповѣдуетъ христіанство, и разсудочнаго аскета-утилитариста Толстого, который полагаетъ, что онъ проповѣдуетъ то же христіанство.

Чеховъ былъ въ началѣ такъ искрененъ, что на него даже посыпались обвиненія въ безпринципности.

Горькій — искренность, непосредственность, инстинктъ возвелъ въ культъ, и читаемы были и тотъ и другой съ жадностью, которая свидѣтельствовала, что изголодались по искренности. Изголодались по искренности, или пресытились надуманностью тѣ, которые продолжали читать. Другіе-же за это время совсѣмъ читать бросили и стали больше ходить въ театръ. Роль «моста» между литературою и театромъ сыгралъ московскій Художественный театръ. Это, безспорно, сочтется ему въ огромную заслугу.

И вмѣстѣ съ тѣмъ я понимаю возмущеніе правоваго театрална москвичами—онъ видитъ въ нихъ ту же «литературу», отъ сухости и неискренности которой ему стало тошно, отъ которой онъ убѣжалъ въ театръ. И вотъ москвичи влекутъ и эту ненавистную «литературу» и въ его убѣжище, въ любимый имъ театръ.

Въ томъ, что московскій театръ очень высоко ставитъ технику, увидѣли покушеніе на тотъ же хранимый такъ бережно театромъ «священный огонь» непосредственности, искренности, темперамента, инстинкта. Имъ театръ дорожить какъ зѣницей ока—понятна поэтому его боязнь, чтобы не замѣнили драгоценное, настоящее, чѣмъ-то искусственнымъ, брилліантъ—стеклышкомъ. Но не наступило-ли уже время для примиренія? Во всякомъ случаѣ, московскій театръ доказалъ, что техникой можно добиться гораздо большаго, чѣмъ думали до сихъ поръ, и этотъ достигнутый москвичами результатъ, театръ можетъ съ большою для себя выгодой использовать.

Въ лицѣ московскаго Художественнаго театра и его писателей-главарей литература пришла къ театру, она сдѣлала первые шаги на встрѣчу, и этимъ какъ бы признала его превосходство, его побѣду. Я думаю, что это очень значительно и думаю тоже, что театру можно бы отнестись къ такой литературѣ съ меньшимъ недоверіемъ, ибо она отрекомендовала себя уже тѣмъ однимъ, что оцѣнила всю огромную важность интенсивнаго біенія пульса, и большей сравнительно съ литературой непосредственности, жизненности и искренности театра.

С. Сутугинъ.

ХРОНИКА

театра и искусства.

Состояніе П. А. Сренетовой безнадежно. У П. А.—ракъ желудка. Ее дважды оперировали. Последняя операція, сдѣланная проф. Павловымъ, состояла въ томъ, что больной вырѣзали желудокъ и пришили пицеводъ къ кишечнику. Больная находится въ хирургической больницѣ Александровской общины. Ежедневно множество лицъ спрашиваютъ о состояніи ея здоровья. Отвѣтъ все тотъ-же: безъ переменъ.

* * *

Мы получили слѣдующую телеграмму отъ Н. Н. Соболевскаго-Самарина: «Прошу опровергнуть замѣтку, помещенную въ № 39, о плачевномъ результатѣ конкурса пьесъ, объявленнаго дирекціей саратовскаго и казанскаго театровъ. Рынлющее засѣданіе жюри состоится 1-го октября. На предварительномъ совѣщаніи пьеса избрана и премія въ 500 руб. будетъ выдана. Названіе пьесы своевременно будетъ объявлено».

* * *

Слухи и вѣсти.

— Н. А. Римскій-Корсаковъ написалъ новую оперу въ 4-хъ дѣйствіяхъ—«Панъ Воевода». Сюжетъ изъ польской жизни XVIII вѣка.

— Пьеса «Фея-Капризъ» одобрена литературно-театральнымъ комитетомъ къ постановкѣ на сценѣ Императорскихъ театровъ, въ переводѣ г. Лоло. Пьеса второй сезонъ идетъ въ Москвѣ, въ театрѣ Корша.

— «Высшая школа» И. Н. Потапенко идетъ въ Александринскомъ театрѣ 13 октября.

— Здоровье М. И. Писарева въ последнее время ухудшилось.

— Какъ мы слышали, М. Г. Савина предпринимаетъ лѣтомъ обширное турнѣ по Сибири. неизмѣннымъ импрессарио является г. Долиновъ.

— Въ ноябрѣ мѣсяцѣ состоится бенефисъ А. С. Панчина за 25-лѣтнюю службу.

— Въ общемъ собраніи Театральнаго Общества предстоитъ выборъ семи членовъ Совѣта, выбывающихъ по очереди. Выбывающіе суть—Я. А. Плюшевскій-Плюшкинъ, товарищъ предсѣдателя Совѣта, члены: Н. Ф. Арбенінъ (секретарь), М. Г. Савина, П. М. Медвѣдевъ, Н. А. Лейкинъ, В. В. Иловайскій и А. А. Бахрушинъ. Собраніе состоится не ранѣе ноября, такъ какъ до сихъ поръ еще не вышелъ отчетъ Общества за 1902 годъ.

— Куда слѣдуетъ вносить залоги антрепренеровъ? В. А. Неметти внесла въ Театральное Общество 6,000 руб., въ видѣ залога за тѣхъ артистовъ, съ которыми заключила контракты, переданные, вмѣстѣ съ театромъ на нынѣшній сезонъ г. Артемьеву. Съ своей стороны, г. Артемьевъ внесъ 2,000 руб. въ канцелярію г. градоначальника, которая, однако, потребовала увеличенія залога до 4,000 руб. Благодаря «раздвоенію» залога, сумма его, во всякомъ случаѣ возросла...

— Въ видѣ опыта, при балетной труппѣ учреждено также нѣчто въ родѣ «репертуарнаго совѣта». Въ комиссію назначены: первый балетмейстеръ г. Петипа, второй балетмейстеръ г. Ширяевъ, балерины г-жи Кшесинская, Преображенская, артисты гг. Гердтъ и Н. Легатъ и представитель отъ дирекціи.

— Въ последнее время снова участились жалобы на невяжучесть оперныхъ артистовъ. Къ числу пострадавшихъ антрепренеровъ относится г. Соболевскій-Самаринъ, по казанской оперной антрепризѣ.

— Въ Варшавѣ постомъ состоятся спектакли, организуемые г-жей Потоцкой, съ участіемъ г-жи Коммисаржевской, гг. Варламова, Аполлонскаго и др.

* * *

Московскія вѣсти.

— Въ новой пьесѣ г. Тимковскаго «Тѣмъ» дебютировала въ театрѣ г. Ковалевскаго г-жа Пасхалова, новая для Москвы артистка. Судя по мѣстнымъ газетамъ дебютъ былъ не вполне удачнымъ.

«Большого впечатлѣнія при первомъ знакомствѣ она не произвела. Темпераментъ ея—какой-то незаразительный, и въ игрѣ чувствовалась искусственность, тотъ условный драматизмъ, который въ Москвѣ—не въ цѣнѣ. («Нов. Дня»).

«Г-жа Пасхалова—извѣстная провинціальная артистка. Въ игрѣ ея замѣтны тщательная обработка роли, искренность и даже простота, но захватить публику она не съ состояніи. Талантъ не изъ крупныхъ и въ голосѣ недостатокъ красивыхъ нотъ. («Русск. Листъ»).

«У нея хорошій голосъ—звонящій на высокихъ нотахъ и глубокий, захватывающій на низкихъ. («Лурьеръ»)

«Русск. Сл.» и «Моск. Листъ», объясняютъ неуспѣхъ дебюта неблагоприятной ролью.

Самую пьесу газеты единодушно порицают:

«Избитая тема, тяжело и скучно разработанная при помощи избитых приемов, в кругу примелькавшихся лиц и среди потоков удручающе банальных речей, — такова «Тяма».

Также не имела успеха и другая новинка «Интернационального» театра «Женихи». Съ этой пьесой случился казус.

Сперва «Женихи» анонсировались, как произведение Мясницкаго; затѣмъ г. Мясницкій отъ нихъ печатно отрекся, и на афишѣ авторомъ уже значится нѣкій Васильевъ.

«Женихи» комедія самого легкаго тона, правда, смѣшная, изобилующая комическими эпизодами, но, во всякомъ случаѣ, совершенно незначительная. Все содержаніе ея сводится къ тому, что молодая вдова, задумавшая плѣнить богатаго барина-оригинала, переодѣвается крестьянкой.

* * *

Балетъ. Для перваго выхода г-жи Павловой 2-й былъ поставленъ бал. «Баядерка». Г-жа Павлова 2-я, какъ танцовщица, совершенствуется съ каждымъ годомъ. Обладая первоклассною техникою, отличающаяся отъ массы танцовщицъ воздушностью и легкостью танцевъ, надѣленная темпераментомъ и выразительною мимикою, г-жа Павлова 2-я, въ роли Никии, была очень хороша и вызвала общее одобреніе. Всѣ классическія варіаціи артисткою были выполнены легко, чисто, ритмично. Правда, мѣстами сказывался недостатокъ увѣренности, но легкость ея танцевъ замѣчательная. Успѣхъ г-жи Павловой 2-й дѣлили г-жи Трефилова (танецъ Ману), Кякштѣ, Карсавина, Вилъ. Полякова, Федорова 2-я, Чумакова и Офицерова. Вообще балетъ этотъ прошелъ весело и шумно. Г-жа Обухова, выпущенная въ отвѣтственной роли Гамзаты, по отсутствію мимическихъ способностей и хореографическаго дарованія, нѣсколько мѣшала впечатлѣнію. Благодаря мѣлководности танцовщицы и отсутствію граціи роль Гамзаты сошла на нѣтъ. Успѣху балета отчасти содѣйствовалъ и кордебалетъ, танцовавшій на этотъ разъ стройно, съ выдержанностью линій и съ воодушевленіемъ. Г-жѣ Павловой 2-й было подано нѣсколько корзинъ цвѣтѣвъ.

Въ теченіе этого спектакля среди балетомановъ распространился слухъ о переводѣ навсегда въ Москву г-на и г-жи Кякштѣ и объ увольненіи съ 1 октября въ отставку главнаго режиссера балетной труппы Н. С. Аистова. Объ уходѣ съ нашей сцены гг. Кякштѣ должны пожалѣть всѣ петербургскіе балетоманы. Что же касается до увольненія г. Аистова, то это послужило сему событію причиною, пока неизвѣстно; говорятъ, что обязанности главнаго режиссера балетной труппы будутъ ввѣрены молодому киновику театальной конторы, только два года назадъ окончившему Лицей. Слѣдуетъ, во всякомъ случаѣ, поразиваться, что нашъ Лицей способенъ готовить опытныхъ хореографовъ и главныхъ режиссеровъ балетной труппы.

Н. С. Аистовъ прослужилъ въ качествѣ главнаго режиссера около 5 лѣтъ (замѣстивъ В. И. Мамгаммера), получалъ около 4500 р. въ годъ и выпущенъ на пенсію, въ размѣрѣ 720 руб. т. е. 60 руб. въ мѣсяцъ!.. Переходъ — крупнеекъ!..

Уходъ г. Аистова вызвалъ въ труппѣ глубокое сожалѣніе, такъ какъ въ лицѣ г. Аистова всѣ привыкли видѣть опытнаго руководителя, знавшаго силы каждаго артиста, и добраго, отзывчиваго товарища. Н. Ф.

* * *

Маринскій театръ. Гастроли г-жи Тревилль и г. Собинова. Трудно казалось бы предполагать, что музыка Гуно можетъ навѣвать мертвящую скуку. Но прослушавъ «Ромео и Джульетту» съ г-жей Тревилль и г. Собиновымъ въ заглавныхъ роляхъ, можно придти къ такому выводу:

Ни г-жа Тревилль, ни г. Собиновъ не только не дали цѣльныхъ художественныхъ образовъ, но не проявили ни граціи въ музыкальной передачѣ, ни экспрессіи сценическаго выраженія. Г-жѣ Тревилль, конечно, можно простить нѣкоторыя погрѣшности — она дебютантка. Но г. Собиновъ, облеченный званіемъ «извѣстности и «гастролера», подлежитъ строжайшей критикѣ.

Этотъ артистъ взобрался на ту вершину извѣстности, когда его таланту, его толкованію ролей публика вѣритъ, что называется, на слово. Молодые пѣвцы приходятъ у него учиться. Поэтому г. Собиновъ обязанъ въ каждой изъ ролей своего ограниченаго репертуара проявить себя созданіемъ гармоническихъ, соразмѣренныхъ во всѣхъ частяхъ, цѣльныхъ образовъ.

Что же даетъ г. Собиновъ въ такой поэтической роли, какъ Ромео? По сценѣ все время мечется какой-то испорченный гампъ, который, какъ только остается наединѣ съ Джульеттой, бросается цѣловать ее, озирается по сторонамъ, чтобы не быть пойманнымъ. Это милое толкованіе роли варьируется минутами тѣмъ, что артистъ совершенно воздерживается отъ

«игры» и остается лишь г. Собиновымъ, получающимъ громадный окладъ... Какое бы разнообразіе оттѣнковъ могъ проявить серьезный артистъ въ роли Ромео! Онъ ввелъ бы постепенно публику въ это шекспировское святѣлище любви. Онъ показывалъ бы сперва борьбу зародившейся страсти. Затѣмъ онъ далъ бы увидѣть спокойное могучее сіяніе любви, такъ легко и свободно переданное дивнымъ дуэтомъ въ саду Капулетти. Дуэтъ 3 акта въ комнатѣ Джульетты онъ провелъ бы съ проникновеннымъ предчувствіемъ, съ блаженствомъ предсмертнаго созерцанія.. Такъ приблизительно толковалъ роль лѣтъ 5 назадъ г. Фигнеръ. Собинова, очевидно, привлекаетъ въ этой роли одна черта Ромео — молодость. И модный пѣвецъ впадаетъ въ «дѣтство».

Теперь о вокальной передачѣ г. Собиновымъ партіи Ромео.

Арія 2 картины «О, солнце, взойди» была спѣта сплошь mezzo-forte, отчего и получился холодный, вымученный характеръ. Въ сценѣ съ Тебальдо и въ финальномъ аріозо 4 картины «ахъ, этотъ приговоръ жестокий» не чувствовалось надлежащей мощи, а излишняя форсировка дала только неприятную вибрацію звука въ верхнемъ регистрѣ. Въ 5 актѣ г. Собиновъ совсѣмъ выбился изъ силъ, и вся сцена въ клепъ пропала... Нѣсколько не удивительно, если публика начала покидать залъ послѣ 2-ой картины 3 акта. Робко и неуверенно провела роль Джульетты г-жа Тревилль. Артистка утрировала сентиментальность героини и ея страхъ передъ старикомъ — отцомъ. Порой только мелькалъ шекспировскій прекрасный, женственно-нѣжный, изящный образъ, глубокой, какъ южная ночь. Голосъ пѣвицы звучалъ суховато. Знаменитый вальсъ 1 дѣйствія г-жа Тревилль спѣла не очень музыкально. Колоратура давила ухо своей тяжеловѣсностью. На протяженіи всѣхъ 5 актовъ г-жа Тревилль блеснула всего нѣсколькими красивыми нотками...

Нельзя сказать, чтобы особенно въ ударѣ были и всѣ остальные исполнители. Г. Смирновъ грубо спѣлъ граціозную пѣсенку Меркуціо о парижѣ Мабъ, а самого Меркуціо изображалъ какимъ-то дикимъ, необузданнымъ, въ стилѣ оперныхъ Неслюско и Амонасро. Г-жа Фриде академически доложила арію пажа и получила за это букетъ цвѣтѣвъ. Очень слабый Капулетти г. Лосевъ. Сцена для него еще мѣсто непривычное, онъ труситъ каждаго своего движенія. Не удивительно, если молодой пѣвецъ часто расколится съ оркестромъ.

Лучше всѣхъ былъ г. Касторскій — Лоренцо. Я, признаюсь, былъ удивленъ, слушая, съ какой свободой артистъ преодолеваетъ низкую тесситуру партіи, соблюдая при этомъ благородство звука. Въ сценическомъ отношеніи г. Касторскій тоже былъ вполне удовлетворителенъ.

Дирижировалъ оперой г. Крушевскій. Хоры его что-то не слушались и шли все время грубо, особенно хоръ слугъ Капулетти во 2 дѣйствіи...

Вообще спектакль казался наскоро сколоченнымъ.

М. Нестеровъ.

* * *

Новый театръ. «Власть денегъ» («Les affaires sont les affaires»). пьеса въ 3 дѣйствіяхъ Октава Мирбо.

«Власть денегъ» — названіе, едва-ли соотвѣтствующее смыслу пьесы Мирбо. По моему, пьесу скорѣе слѣдовало назвать «Властвующій черезъ деньги» или «Властвующій при посредствѣ денегъ». Ибо Исидоръ Леша — герой пьесы — именно «властвующій» надъ всѣмъ и всѣми при помощи денегъ. Деньги для него только средство, а никакъ не цѣль. Одной рукой онъ заребаетъ милліоны, а другой — растрчиваетъ ихъ по своему усмотрѣнію и часто — безцѣльно, ради «забавы». Еще менѣе подходитъ другое заглавіе, придуманное переводчиками — «Рабы наживы». Какой же Исидоръ Леша «рабъ наживы», разъ ему не жаль тѣхъ сотенъ тысячъ, которыя его сынъ прокучиваетъ? Какой же онъ «рабъ наживы», когда, по словамъ m-me Леша, у него «деньги текутъ, какъ вода», когда онъ пускается въ самыя рискованныя предпріятія, когда его то и дѣло называютъ «расточительнымъ»? «Гигантскія затѣи, мосты, порты, шахты, трамваи — люблю! Это моя жизнь!» Такъ говоритъ Леша и говоритъ не ради краснаго слова. Въ этомъ дѣйствительно его жизнь, и именно для такой жизни созданъ этотъ смѣлый, рѣшительный и энергичный «новаторъ», какъ называетъ Леша Люсьенъ Гарро. «Мы, говоритъ Леша, не люди стараго порядка, мы не графы, не князья; мы — чистѣйшіе демократы, труженники». И потому, что онъ, Исидоръ Леша, «демократъ и пролетарій». — онъ, какъ увѣряетъ тотъ же Гарро, «несмотря на всѣ свои недостатки, сдѣлалъ много великаго». Это, если хотите, весьма поучительная страница нашей общественности. «Великое» — по крайній мѣрѣ, въ практической жизни — творитъ теперь не баринъ, а работникъ, хотя бы работникъ въ области спекуляціи. «Хозяинъ тотъ, кто трудится», какъ говоритъ Нилъ въ «Мѣшанахъ». Въ наше время нужны люди практическаго дѣла, — люди, не связанные сентиментальностью дворянскаго воспитанія. Демократія побѣдила и побѣждаетъ, главнымъ образомъ, потому, что у нея нѣтъ ничѣгонаслѣдственнаго, но все

благопріобрѣтенное: и капиталъ, и убѣжденія, и взгляды. Великолѣпный замокъ, въ которомъ живетъ Леша, былъ выстроенъ еще Людовикомъ XIV. Весь дворъ, вся аристократія прошли здѣсь вереницей въ бархатахъ и шелкахъ. А теперь не только этотъ царственный замокъ, но и окружающія земли, которыми владѣли еще такъ недавно князья и графы, принадлежатъ Исидору Леша, который въ спящую вѣками жизнь этихъ земель и замковъ внесъ запахъ потнаго труда, энергію, смѣлость, настойчивость. Случайно завладѣвъ кусочкомъ княжескихъ земель, онъ превратилъ въ доходныя статьи запущенныя парки, лѣса, луга. Доходныя статьи дали ему возможность мало-по-малу расширять свои имѣнья, перекупить земли у разорившихся аристократовъ. Онъ передѣлалъ, перестроилъ, переименовалъ все то, на что аристократъ, у котораго все наследственное и ничего благопріобрѣтеннаго, не смѣлъ посягнуть. Аристократъ не «смѣетъ», а плебей «смѣетъ» — въ этомъ его сила и преимущества. Онъ все «смѣетъ», для него нѣтъ ничего запретнаго, его ничто не связываетъ. Онъ независимъ не только по взглядамъ и убѣжденіямъ, но и по поступкамъ. И потому именно онъ представляетъ живую общественную силу. Исидоръ Леша не только пріобрѣлъ земли и замки аристократовъ, но и по-маленьку пробирается въ литературу и искусство. Онъ издаетъ собственную газету, черезъ которую вліяетъ на общественное мнѣніе; его замокъ отдѣлываютъ художники. И — кто знаетъ — быть можетъ еще черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ Леша и его единомышленники создадутъ свою собственную литературу, науку, искусство и перестроятъ всю общественную жизнь по своему усмотрѣнію. Леша смѣлъ до дерзости, энергиченъ до отваги, настойчивъ до нахальства. Дорогу Леша, шире дорогу!

Я не говорю, что въ Исидорѣ Леша одни достоинства. Въ его дѣятельности и въ его характерѣ много и отрицательнаго. Онъ — хищный, злой, эгоистъ, не стѣсняется въ средствахъ. Но развѣ дворянство не съ этого начинало? Развѣ феодалы не поступали такъ же или почти такъ же? Развѣ дворянство, возросшій на крѣпостномъ правѣ, не шелъ въ свое время подобно же дорогой?.. Всякій переворотъ, почти всякое новое начало общественной жизни связано съ жестокостями и эгоизмомъ. Всякое новое сословіе зарождалось на почвѣ насилій и излишествъ.

Октавъ Мирбо очертилъ своего героя елико возможно. По его мнѣнію, Леша просто «мошенникъ», который сидѣлъ въ тюрьмѣ, два раза былъ злостнымъ банкротомъ и пр. и пр. Но это уже надо отнести на счетъ измышленій автора, забываясь больше о томъ, чтобы создать нѣчто въ родѣ мелодраматическаго злодѣя. Это только доказываетъ, что Мирбо также мало понимаетъ психологію людей, въ родѣ Леша, какъ и Жерменъ, дочь Леша, которая произноситъ много банальныхъ тирадъ противъ богачей вообще и отца въ частности. Можно было Леша и не сажать въ тюрьму и не заставлять проливать разныя жестокости. Отъ этого характеръ его, право, не измѣнился бы...

«Les affaires sont les affaires», какъ пѣса, страдаетъ длиннотами. Напр., однообразное по настроенію объясненіе Жерменъ и Гарро во II актѣ рѣшительно утомительная сцена. То же самое слѣдуетъ сказать о сценѣ дѣловаго объясненія Леша съ Финкомъ и Гругомъ въ томъ же актѣ.

Объ удивительномъ переводѣ г. Семенова, въ которомъ пѣса шла въ театрѣ Яворской, у насъ уже достаточно говорилось. Справедливость требуетъ сказать, что стиль корреспонденцій г. Семенова, въ которыхъ онъ описывалъ парижскіе «триумфы» г-жи Яворской, все же лучше его перевода. Но проглотивъ первое — приходится примириться со вторымъ. Les affaires sont les affaires.

Г. Ратовъ опытный и достаточно умѣлый актеръ, но какой же онъ Леша, — экономистъ, «революционеръ», «смѣлый новаторъ», «другъ двухъ министровъ», «ворочающій миллионы и тысячами людей». Г. Ратовъ игралъ Леша больше въ тонѣ фарса. Мѣстами было, пожалуй, весело, но это совсѣмъ изъ другой оперы. Г-жа Строганова (жена Леша) тоже играла не то, что полагается по пѣсѣ. Г-жа Леша прежде всего мѣшанка, самая заурядная мѣшанка, безъ всякой претензіи на то, чтобы сойти за аристократку. Г-жа же Строганова изображала ее какъ разъ такъ, какъ изображаютъ выскочекъ, пролѣзающихъ въ аристократическіе салоны. А затѣмъ эта убійственная скороговорка въ I-мъ актѣ, эта манерность, такъ невѣжущаяся съ тѣмъ, что переживаетъ и чувствуетъ жена Леша въ послѣднемъ актѣ...

Г-жа Яворская играла сдержаннѣе, чѣмъ обыкновенно. Меньше позъ, меньше метаній съ одной стороны сцены на другую. Только читка, по-прежнему несообразованная ни съ какой логикой, да обычные дефекты голоса показывали, что мало что измѣнилось подъ нажимомъ зодіакомъ. Прекрасно, съ завидной выдержкой, сыгралъ г. Семеновъ-Самарскій эпизодическую роль маркиза де-Порселля. Хорошее впечатлѣніе оставилъ и г. Дагмаровъ въ роли сына Леша — Ксавье. Хорошая читка, мягкія манеры, характерныя интонаціи.

Вл. Линскій.

* * *

Частная русская опера. По примѣру прошлаго года въ большемъ залѣ консерваторіи водворилась русская опера г. Гвиди. Сезонъ открылся въ среду, 1 октября, «Жизнью за Царя». Печальное открытіе! Произведеніе Глинка предстало въ весьма слабомъ исполненіи, что казалось особенно неожиданнымъ, послѣ широковѣщательныхъ рекламъ и обшпаній. Обшпанили предпріятіе идейное, художественное. Завѣдывать художественною частью поручили музыкальному критику распространеннѣйшей газеты и пр. А между тѣмъ капельмейстеръ г. Зеленый истощался въ усиліяхъ придать стройность исполненію. Хоры отставали отъ оркестра, солисты отъ хора и взаимно другъ отъ друга. Порой поднималась настоящая какофонія.

Партію Сусанина пѣлъ г. Тарасовъ. Я не слышалъ этого артиста года три-четыре. За это время пѣвецъ не сдѣлалъ успѣховъ. Наоборотъ, пожалуй, наблюдается нѣкоторый регрессъ. Голосъ потерялъ звучность въ среднемъ регистрѣ, а верхнія ноты почти пропали. Поетъ артистъ грубовато, нерѣдко детонируя. Сусанина онъ изображаетъ какимъ-то полупьянымъ мужикомъ, хвастающимся передъ поляками своей храбростью. Вѣрнымъ своему толкованію роли остается г. Тарасовъ даже при исполненіи трогательной аріи «Ты войдешь, моя заря». Г. Тарасову поднесли, впрочемъ, вѣнокъ, чему предшествовали жизненные апплодисменты.

Роль Антонида поручили г-жѣ Рининой, голосъ которой склоненъ къ вибраціи, къ чему слѣдуетъ присовокупить фальшь въ интонаціи. Отличительная черта сценическаго исполненія этой артисткой своей роли — несоотвѣтствіе жестовъ съ произносимыми словами.

Въ партіи Сабинина выступилъ г. Корниловъ, обладатель колоссальнаго драматическаго тенора. Къ сожалѣнію, пѣвецъ не знаетъ, что дѣлать ни съ собой, ни съ своимъ вокальнымъ капиталомъ. Дикція у него плохая, словъ не слышно, чувствуется акцентъ. Все свое вниманіе г. Корниловъ обращаетъ на то, чтобы наполнить залъ оглушительными звуками. При всемъ этомъ пѣвецъ безпрестанно расходится съ оркестромъ. Въ квартетѣ 3 картины онъ вызвалъ протестъ всего зала. Непонятно, для чего заставили г. Корнилова, не умѣющаго распоряжаться голосомъ, исполнить выпускаемую обыкновенно арію «Братцы, въ метель», тѣмъ болѣе, что онъ пѣлъ арію на полтона ниже. Удовлетворительно провела роль Вани г-жа Кутузова; въ данномъ случаѣ, впрочемъ, выдѣлаться было не трудно.

Режиссерскихъ промаховъ въ постановкѣ множество. Почему, напримѣръ, г. Корниловъ всю третью картину ведетъ то разстегивая, то застегивая крючки своего кафтана? Почему поляки увлекаютъ за собой Сусанина, не давая ему возможности одѣться по-зимнему, даже безъ шапки, въ лѣсу же Сусанинъ является тепло одѣтымъ? Почему зимой въ избѣ Сусанина все время дверь на улицу открыта? Эти «почему?» можно продолжить безъ конца. О бѣдности обстановки говорить не приходится. Къ этому мы вполне пріучены...

М. Нестеровъ.

* * *

Новый театръ Неметти. Здѣсь все продолжаютъ дебюты новыхъ членовъ труппы. Прошло почти двѣ недѣли, а добрая треть еще и не выступала.

Въ «Дѣтяхъ Ванюшина» дебютировали г-жи Натанская и Николина. Г-жа Натанская (Клавдія) взяла вѣрный тонъ, выдержавъ его на протяжении всей роли, что далеко не всегда удается молодымъ артисткамъ и артистамъ. Прибавлю еще, что г-жа Натанская хорошо, хотя рѣзковато, загромировалась и вполне соотвѣтственно характеру и особенностямъ Клавдіи, держалась на сценѣ.

Г-жа Николина уже знакома по лѣтнему сезону въ «Озеркахъ», гдѣ она съ успѣхомъ выступала, между прочимъ, и въ роли Людмилы.

Трогательная Аня — г-жа Лилина. Нѣкоторыя интонаціи дышали искренностью и свѣжестью. Г. Сабининъ играетъ Алексѣя, пожалуй, недурно, но не особенно ярко и не очень рельефно. Г-жа Навимова произвела въ роли Инны лучшее и болѣе цѣльное впечатлѣніе, чѣмъ въ «Торжествѣ жизни». Г. Омарскій (старикъ Ванюшинъ) велъ роль грубовато. Г-жѣ Александровой (Елена) сильно мѣшаетъ неразработанная дикція. Мягко игралъ г. Сверчковъ мужа Людмилы.

Пѣса очень хорошо обставлена въ декоративномъ отношеніи.

Съ 30 октября начались гастроли брат. Адельгеймъ. Для перваго спектакля шла «Казнь». Объ исполненіи Роб. Адельгеймъ роли Годды я уже писалъ въ прошломъ сезонѣ, когда брат. Адельгеймъ гастролировали въ «Пассажѣ». Роль Викентія не изъ лучшихъ въ репертуарѣ Раф. Адельгеймъ.

Второй спектакль — «Разбойники» — прошелъ съ аншлагомъ.

В. Л.

* * *

Василеостровскій театръ. Драма А. П. Сумбатова «Листья шелестятъ» разыгранная мѣстной группой 2 октября подлѣ режиссерствомъ г. Бережного, производитъ въ настоящее время уже въ достаточной степени курьезное впечатлѣніе. Но

такія пьесы по душѣ и среднимъ труппамъ и средней публикѣ. Первые находятъ въ нихъ много благодарнаго матеріала, вторая—интересное зрѣлище, надъ которымъ не приходится ломать себѣ голову. Чтобы въ пьесѣ подобной «Листьямъ» произвести на публику хорошее впечатлѣніе, почти достаточно твердо выучить роль и умѣть сносно держаться за сцену. Исполненіе въ Василеостровскомъ театрѣ именно отличалось такой «сфрѣнкой» стройностью. Роли всѣ знали хорошо и добросовѣстно докладывали публикѣ. Г-жа Прокофьева трогательно изображала Варю, г-жа Южина не менѣе старательно—злѣдѣйку Софью Николаевну. Слишкомъ перекарикатурировала Парашину г-жа Каменская и смѣшила публику г. Бережной (докторъ Шагѣ). Г. Левандовскій не совсѣмъ удачный Трубельниковъ, видимо еще не вполне освоившійся съ ролью. Слабѣе всѣхъ былъ г. Строевъ — Полинъ, игравшій Аркадія какимъ-то приказчикомъ изъ галантерейнаго магазина. Общее же впечатлѣніе было довольно хорошее. У мѣстной публики всѣ исполнители имѣли успѣхъ.

П. Н.—мер—ъ.

* * *

27 сентября въ залѣ Павловой состоялся спектакль (первый въ нынѣшній сезонъ) въ пользу Общества благотворенія въ память 19 февраля 1861 г. Устройство спектакля взяли на себя члены-учредители общества И. В. Петровъ и артисты А. П. Скарятинъ. Была поставлена «Царская невѣста». Спектакль прошелъ очень гладко. Всѣ знали роли, пѣса хорошо срепетована. Изъ исполнителей наибольшій успѣхъ выпалъ на долю г. Скарятинъ (Грязной), А. В. Петрова (Собакинъ) и г-жи Никитиной (Марья). Всѣ артисты, участвовавшіе въ спектаклѣ, получили на память по брелочку, а И. В. Петрову были подарены цѣнные подарки. Публики было очень много, преимущественно изъ купечества.

* * *

Малый театръ. Въ четвергъ, 20 октябр., шла въ первый разъ новал пьеса В. О. Трахтенберга — „Вчера“. Идеи пьесы „Вчера“, очевидно, та, что надо имѣть прошлое для того, чтобы пользоваться настоящимъ, а тѣмъ паче, будущимъ. Идею эту г. Трахтенбергъ иллюстрируетъ на примѣрѣ учительницы Хроменко, которой, такъ сказать, Богъ счастье послалъ, въ лицѣ манфредо-образнаго Зубина, только послѣ того, какъ она испытала „сладость паденія“ съ молодымъ княземъ. И не только послѣ того, но можетъ быть, именно потому. Попутно рисуется педагогическій міръ (дѣло происходитъ въ женской гимназіи), и говорится очень много умныхъ, остроумныхъ, а иногда и полубезумныхъ рѣчей. Среди эффектовъ биллиардъ, на которомъ играютъ, пощечина, которую даетъ героиня, дуэль, живая картина и очень многое еще. Все это написано съ обычной, широкой и нѣсколько заливчатой манерой г. Трахтенберга, и отличается сценичностью. Пьеса имѣла несомнѣнный успѣхъ, автора вызвали весьма усердно, и исполнители достаточно умѣло воспользовались матеріаломъ ролей. Г-жа Комиссаржевская, произносившая негодующія и протестующія рѣчи, имѣла, по обыкновенію, весьма шумный успѣхъ.

Ограничиваемся этими немногими словами, и вернемся къ новой пьесѣ нашего драматурга въ ближайшемъ №.

КЪ СЕЗОНУ ВЪ ПРОVINЦИИ.

Астрахань. Въ этомъ сезонѣ откроется новая сцена — въ «Общественномъ собраніи». Составъ труппы, которая будетъ тамъ подвизаться, пока еще не опредѣлился.

Баку. Сезонъ открылся 23 сентября драмой В. Александрова «Въ неравной борьбѣ».

Борнаулъ. Товарищество драматическихъ артистовъ, подъ управленіемъ С. В. Ковалевой, въ составѣ 12 человекъ, какъ намъ пишутъ, закончило 15 сентября лѣтній сезонъ. На кругъ взято по 175 р. со спектакля.

Владивназъ. Изъ отчета организатора народныхъ спектаклей прис. пов. Г. А. Семенова, видно, что съ 1 мая по 1 сентября было поставлено 26 спектаклей, валового дохода получено 3496 р. 51 к., израсходовано 3294 р. 73 к., чистый остатокъ — 201 р. 78 к. Нѣрѣдко цѣлыя толпы съ огорченіемъ отходили отъ дверей театра, видя аншлаги, что всѣ билеты проданы. Г. Семеновъ намѣренъ продолжать ставить спектакли и въ будущемъ году.

— На этихъ дняхъ открылся на мѣстѣ сгорѣлаго новый китайскій театръ, куда и прибыла изъ Шанхая новая китайская труппа. Всѣ эти дни театръ осаждаютъ китайцами, и билеты берутся прямо съ «бою», а къ 4 часамъ ихъ уже не бываетъ. Театръ посѣщаютъ не только китайцы, но русскіе.

Кіевъ. Антрепренеромъ опереточной труппы С. Н. Новиковымъ возбуждено предъ губернскимъ начальствомъ ходатайство о предоставленіи права временнаго жительства въ Кіевѣ 31 еврею, служащимъ въ его труппѣ. Вся труппа С. Н. Новикова состоитъ изъ 75 чел.

Нахичевань. Предсѣдатель правленія артистическаго общества, С. М. Миклашевскій, которому на предстоящій сезонъ сданъ городской театръ, подалъ въ управу слѣдующее заявленіе: Товарищество для постановки спектаклей въ городскомъ театрѣ въ текущемъ сезонѣ образоваться не можетъ, такъ какъ разрѣшеніе его ходатайства послѣдовало слишкомъ поздно, а потому г. Миклашевскій проситъ о предоставленіи этому обществу права ставить въ городскомъ театрѣ спектакли въ теченіе всего зимняго сезона, по одному разу въ недѣлю, а по возможности и въ праздничные дни и объ уменьшеніи поспектальной платы до возможнаго минимума.

Одесса. Спектакли труппы гг. Сибирикава и Долинова въ Русскомъ театрѣ заканчиваются 30 сентября, а затѣмъ труппа до перехода въ новый театръ г. Сибирикава выѣзжаетъ на гастроли въ Кишиневъ.

— Малороссы г. Пронскаго, подвизающіеся въ театрѣ «Гармонія», благодаря мизернымъ сборамъ прекращаютъ спектакли и покидаютъ Одессу. Въ томъ же театрѣ съ 30 сентября начнутся спектакли польской опереточной труппы.

— Въ камерѣ мирового судьи разбиралось дѣло по иску совѣта Русскаго театральнаго общества къ артисткѣ Волгиной о 500 руб., данныхъ ей подъ вексель за поручительствомъ В. П. Далматова. Мировой судья удовлетворилъ искъ полностью.

Портъ-Артуръ. Веселенькій дивертисементъ во вкусѣ «дальняго Востока». Въ «Новомъ Краѣ» читаемъ: «Во время представленія въ театрѣ Тифонта, появилась въ буфетѣ гастролировавшая недавно въ Артурѣ танцовщица Carmen de Colimba и обратила на себя вниманіе (?) администраціи театра тѣмъ, что, несмотря на купленный билетъ, она въ зрительное залo не входила въ продолженіе 2—3 актовъ. Въ виду появившейся недавно реченій на столбахъ нашей газеты, неблагоприятной для артистки, и такъ какъ она наводила справки о томъ, кто написалъ эту рецензію, администраціей театра было заявлено присутствовавшимъ въ театрѣ помощнику редактора и рецензенту «Новаго Края» подозрѣніе (sic!) въ томъ, что они могутъ быть подвергнуты неприятой публичной демонстраціи со стороны танцовщицы. Помощникъ редактора, желая предотвратить скандалъ, объяснился съ иностранкой, предупреждая ее о порядкахъ, существующихъ въ Россіи (?), не терпящихъ публичныхъ скандаловъ. Его увѣщанія оказались тщетными. Какъ только кончилось представление, публика наполнила буфетъ, г-жа Colimba подошла къ незнакомому ей, мирно сидѣвшему за отдѣльнымъ столикомъ, рецензенту и нанесла ударъ ему. Моментально бросившись за быстро удалявшейся оскорбительницей, рецензентъ обнялъ и расцѣловалъ ее (!). Нѣкоторые изъ присутствующихъ подходили къ рецензенту и пожимали ему руку (!). Полиція составила протоколъ».

Саратовъ. 28 сентября состоялось первое учредительское собраніе вновь организующагося саратовскаго Об-ва народныхъ развлеченій. Собраніе открылось рѣчью бывшаго дѣятеля народнаго театра и инициатора по устройству настоящаго Общества г. Исупова. Постройка народнаго театра по проекту г. Плотишкова обойдется до 100,000 р.

Въ общемъ уставъ представляетъ почти копию «Невскаго Общества развлеченій» въ Петербургѣ. Избрана коммисія для представленія проекта устава на утвержденіе.

Саратовъ. Антреприза г. Соболяшкова-Самарина съ 11-го по 21-е сентября взяла за 9 спектаклей валового сбора 4971 руб. Наибольшій сборъ дала «Каширская Старина» — 665 руб., «Ревизоръ» — 628 руб. и «На днѣ» — 678 руб.

Сибирскъ. Открытіе зимняго сезона состоялось 20 сентября «Безъ вины виноватыми».

Тифлисъ. На дняхъ состоялось открытіе двухъ драматическихъ театровъ. Для открытія авлабарскаго театра труппой Араксяна была поставлена на армянскомъ языкѣ «Пепo», пьеса Сундукяна. Дни недѣли будутъ распределены такимъ образомъ: по понедѣльникамъ предполагаетъ давать спектакли труппа Н. Д. Красова; во вторникамъ и субботахъ — грузинское драматическое общество; по средамъ и воскресеньямъ — труппа Араксяна на армянскомъ языкѣ. Новый театръ вмѣщаетъ до 500 человекъ и освѣщается электричествомъ. Цѣны мѣстамъ отъ 30 коп. до 2-хъ рублей.

Въ открытіе сезона русскихъ спектаклей въ народномъ театрѣ Н. Н. Мурашко шла комедія Островскаго «Не въ свои сани не садись» и водевилъ Чехова «Медвѣдь». Спектакли на русскомъ языкѣ въ этомъ народномъ театрѣ будутъ ставиться два раза въ мѣсяцъ вновь организованнымъ товариществомъ постоянныхъ любителей драматическаго искусства. Цѣны мѣстамъ отъ 5 до 40 коп.

Харьковъ. Съ 1-го октября въ драматическомъ театрѣ начались спектакли малорусской труппы Ф. П. Волика, при участіи корифеевъ малорусской сцены — М. К. Заньковской и М. Л. Кропивницкаго.

Ярославъ. Сезонъ открылся 26 сентября «Соколами и воронами».

ОДАЧА ТЕАТРОВЪ И АНГАЖЕМЕНТЫ.

Архангельскъ. Драма. Антреприза г. Крамолова. Составъ труппы: г-жи Лярова, Херувимова, Кадмина, Степанова, Ольгина, Бравская, Семенова, Карташева, Сѣверянинова, Зарѣчина; гг. Долинъ, Дебожирскій, Незнамовъ, Дмитріевъ, Злобинъ, Володинъ, Холмскій, Крамоловъ, Николаевъ, Неофитовъ, Вѣровъ, Смирновъ.

Бердянскъ. 1-го октября с. г. пьесой «Сильные и слабые» открывается у насъ зимній сезонъ драматической труппы Е. В. Цукки. Режиссеромъ приглашенъ А. А. Колесовъ. Составъ труппы слѣдующій: г-жи А. П. Волконская (героиня), Ф. Э. Муромцева (энж. драм. и ком.), М. П. Невѣрова (энж. др.), М. И. Летаръ (grande dame и др. стар.), Е. И. Федорова (ком. стар. и быт.), А. В. Немирова (водевильныя), Никитина, Марусина (2-я роли); гг. А. А. Колесовъ (др. рез. и хар.), Барскій (др. люб.), М. И. Комаровъ (комикъ), Э. И. Волоцкой (простакъ), Е. И. Терченко (салон. рез.), В. И. Шатерниковъ (2-ой люб. прост.), И. М. Ильинскій (вторя роли), Брянскій (мол. люб.), С. А. Власовъ (второй комикъ). К. О. Зенкевичъ (вторя роли). Гл. Режиссеръ А. А. Колесовъ. Пом. режис. С. А. Басмановъ. Суфлеръ Симагинъ. Декораторъ Козловъ. Оркестръ подъ управленіемъ Б. М. Неймера.

Г-жа Медея Фигнеръ.
(Къ гастролямъ въ Южной Америкѣ).

Спектакли будутъ ставиться четыре раза въ недѣлю, изъ коихъ одинъ по общедоступнымъ цѣнамъ. Открытіе сезона, 1 октября.

Вологда. Городской театръ. Антреприза Н. М. Бориславскаго открыла зимній сезонъ 1903/4 въ пятницу 26 сентября, «Безприданницей». Составъ труппы слѣдующій: г-жи А. Н. Медвѣдева, Е. П. Корчагина, Н. В. Буря, К. П. Стоянова, В. Н. Виленская, К. З. Пузинскій, А. В. Багрова, В. М. Уварова, К. С. Соколовская, М. П. Волынская, К. С. Инсарова, П. А. Зарайская, М. А. Михайлова и Н. М. Рошина; гг. А. М. Михайловъ, Н. А. Листовъ (главн. режиссеръ), Ф. П. Волховской, В. В. Александровъ, В. Я. Леоновъ, П. А. Остапенко, К. К. Ильинскій, Ф. М. Кукуевъ, Н. П. Зубовъ, Н. Н. Трефиловъ, В. Н. Лавриновичъ, В. М. Катковъ, М. И. Краевскій и П. В. Юнасева, В. М. Жуковъ — помощн. режис.; В. Н. Черновъ — суфлеръ.

Кременчугъ. Составъ драматической труппы Н. Т. Филипповскаго: г-жи Галицкая, Гордонъ, Бѣлова, Аярова, Рылѣва, Державина, Покровская, Крамова и Туръ; гг. Бессарабовъ, Оболенскій, Лирскій, Ленскій-Самборскій, Костинъ, Скуратовъ, Либакъ, Какуринъ, Барановскій и Кирѣевъ. Режиссеръ М. А. Долиновъ.

Одесса. Русский театръ съ 15 октября до 10 ноября переступленъ г. Новиковымъ г. Каstellано для спектаклей итальянской оперы съ участіемъ г. Баттистини.

Осташковъ. Зимній сезонъ. Товарищества русскихъ драматическихъ и опереточныхъ артистовъ, подъ управленіемъ Н. А. Горскаго. Составъ труппы: г-жи М. И. Летаръ (героиня), С. В. Борцова (грандъ-кокетъ), И. В. Мочалова (ing. com. и

водевили съ пѣніемъ), Е. М. Маркова (ing. dramet), Е. В. Новицкая (комич. старуха и характ. роли), Е. Н. Неллина и М. Н. Струйская (субретки); гг. Грининъ (герой-любовникъ), Свѣтловскій (драм. резон.), Горскій (ком. и хар. роли), Никольскій (резон.), Градовъ (простакъ), Ильинъ (2 роли). Распорядитель Горскій. Режиссеръ Грининъ. Помощникъ режиссера Вольскій. Суфлеръ Михайловъ.

Открытіе сезона 23 сентября.

Ставрополь-Кавк. Драма. Антреприза Е. С. Майеровой. Составъ труппы: г-жи Е. С. Майерова, Е. Н. Мельгунова, К. В. Запольская, Н. В. Петрова-Волина, Л. А. Трубницкая, М. И. Серѣтева, А. И. Вольская, В. А. Торопова, Е. М. Васильева, С. И. Попова, Э. В. Райчева; гг. А. Черняевъ, А. И. Похлевищевъ, В. К. Крогъ, А. П. Касаринъ, А. С. Травинъ, Ф. И. Громовъ, С. Г. Ленскій, М. Л. Брянскій, М. Ф. Подгорскій, И. С. Самагинъ, Г. Р. Старинскій, В. Н. Морозовъ, В. Н. Волконскій.

Тифлисъ. Драма. Антреприза г. Красова. Составъ труппы: г-жи Безсонова, Бѣлецкая, Волхова, Галина, Голтухъ, Даль-Туманова, Дашкевичъ, Крылова-Шевченко, Озерова, Пашинская, Терехова, Халатова, Шателенъ, Эмская, гг. Блюменталь-Тамаринъ, Гардинъ, Горскій, Казарскій, Красовъ, Месхи, Нератовъ, Пясецкій, Расатовъ, Родіоновъ, Томилинь, Улановъ, Успенскій, Шевченко и Ясиновичъ. Режиссеры Красовъ, Шателенъ и Расатовъ.

Харьковъ. М. А. Юрѣва, оставившая театръ Корша, вступила въ труппу Форкатти.

МАЛЕНЬКАЯ ХРОНИКА.

*** Актеръ Павелъ Скуратовъ не ладитъ по прежнему съ рецензентомъ „Кіевлянина“. Вслѣдъ за рецензіями рецензента, на столбахъ мѣстныхъ газетъ появляются „контръ-рецензіи“ г. Скуратова. Въ „Кіевск. Сл.“ читаемъ: „Симъ заявляю, что въ рецензіи И. Александровскаго о пьесѣ «Вопросъ» А. Суворина («Кіевлянинъ» № 268) вкрадлась большая неточность, ясно говорящая о его (?) пристрастии. Неточность состоитъ въ обвиненіи незнанія (въ незнаніи) ролей. Лично отъ себя говорю: это чистѣйшій вымыселъ! Пьеса тщательно срепетована и роли выучены. Заявляю объ этомъ публично, не желая навлекать на себя незаслуженный упрекъ автора»

Вообще, впрочемъ, г. Скуратовъ врагъ рецензій. Въ томъ же „К. Сл.“, по поводу поднятаго въ послѣднее время вопроса объ урегулированіи отношеній между рецензентами и артистами, г. Скуратовъ прямо заявляетъ: „По моему мнѣнію рецензія должна быть уничтожена“. И далѣе г. Скуратовъ, поясняя свой рѣшительный приговоръ, рекомендуетъ очень простой способъ „урегулированія“: надо помѣщать фельетоны разъ въ недѣлю.

„Война родитъ героев. Уничтоживъ отчеты, вырвется оружіе мести и личныхъ счетовъ. Отынется возможность на другой день послѣ спектакля облить помоями и запустить горячаго сала за шкуру автору или исполнителю. Публика будетъ, скажемъ, ходить въ театръ въ воскресенье, понедѣльникъ, вторникъ, четвергъ, пятницу, а въ субботу выйдетъ критическій фельетонъ. Самый строгій, самый карательный, даже несправедливый, онъ будетъ имѣть значеніе только критическое, но не отзовется на успѣхъ актера, на успѣхъ дѣла, на успѣхъ пьесы, ибо за недѣлю публика составитъ свое мнѣніе и, читая фельетонъ, можетъ соглашаться или не соглашаться, но не будетъ вестись на помочахъ».

По этому поводу одна провинціальная газета замѣчаетъ: „не лучше ли въ такомъ случаѣ писать „критическіе фельетоны“ разъ въ годъ—по окончаніи сезона и по отъѣздѣ артистовъ?“

Тѣмъ не менѣе, мысль г. Скуратова, въ основѣ,—совершенно правильная. Но осуществиться ей не дано.

*** Г. Сѣверскій объясняетъ интервьюеру „Пет. Газ.“ причины перехода его изъ драмы въ оперетку:

— „Я оставилъ драму по необходимости. Репертуаръ моего ампула рѣшительно ничего новаго мнѣ не давалъ... Что ни пьеса, то — повтореніе стараго, что ни роль — то обязательно какой-нибудь невзрастникъ, и безъ того надѣвшій и актерамъ, и публикѣ... Согласитесь, что при такихъ условіяхъ служить было скучно“.

Канканировать, конечно, веселѣе... Но неужели разнообразіе?

ВЪ ПРЕДДВЕРІИ.

I.

Трудно выразить тѣ ощущенія, которыя я пережилъ, когда узналъ, что принять въ консерваторію. Я такъ стремился проникнуть въ этотъ храмъ искусства, выше котораго, тогда, въ моихъ представленіяхъ ничего не было. На далекой родинѣ еще, много дней и ночей проводилъ я въ мечтахъ о петербургской консерваторіи. Я страстно жаждалъ учиться, работать... Если-бы «первосвященники» этого «храма» могли проникнуть въ мысли и сердца молодежи, являющейся къ нимъ учиться, — они бы страшнулись себя рутину, важность и невнимательность; они бы расцвѣли сердцемъ, и пережили бы вторую молодость. Цѣль моихъ записокъ: хоть отчасти показать, въ дѣйствительности, безотрадное положеніе, въ которомъ находится ученикъ, являющийся въ консерваторію съ идеальнымъ представленіемъ о внутреннемъ строѣ ея и съ глубокой вѣрою въ незыблемый авторитетъ ея руководителей.

Я поступилъ въ консерваторію въ самое печальное время въ ея лѣтоисчисленіяхъ, — печальное потому, что это былъ послѣдній годъ директорства Антона Григорьевича Рубинштейна. Я очень несчастливъ, что время моего поступленія совпало съ послѣдними мѣсяцами управленія А. Г. консерваторіей. Онъ горячо любилъ созданную имъ консерваторію, а учащиеся обожали и молились на него. Уже одно предупрежденіе, А. Г. о томъ, что онъ скоро уйдетъ, — повергло въ уныніе и горе учащихся. Къ сожалѣнію, по справедливости, не могу сказать того-же объ учащихся. Они наоборотъ, повеселѣли... Строгое, до педантизма, отношеніе А. Г. къ своимъ обязанностямъ, въ качествѣ директора, конечно, не нравилось его сотрудникамъ, отъ которыхъ онъ требовалъ того же. Учащиеся же, глубоко проникнутые уваженіемъ къ А. Г., — знали отлично, что всѣ помыслы его были направлены къ возвышенію консерваторіи, къ улуч-

шенію быта учащихся. Это, впрочемъ, лучше всего показываютъ факты. *Не подготовленія* (а потому искреннія) коллективныя просьбы учениковъ и ученицъ къ А. Г., чтобы онъ не покидалъ ихъ, остался бы во главѣ консерваторіи, — краснорѣчивѣе словъ показываютъ, какъ дорогъ былъ онъ имъ.

Будущій біографъ Рубинштейна подробно выяснитъ фактъ его отставки. Я же могу сказать только, что мотивы ухода А. Г. заслуживаютъ глубокаго уваженія.

II. А. Стрепетова, въ роли Лизаветы («Горькая Судьбина»).
Съ картины И. Е. Рѣпина.

Какъ ой это былъ удивительный человѣкъ! Геніальный пианистъ-виртуозъ, выдающийся композиторъ, рѣдкій общественный дѣятель — соединялся въ немъ съ сердечнымъ, отзывчивымъ человѣкомъ. Суровая важность львиного лица его, грубоватая манера говорить многихъ пугали и обманывали... Однако, стоило поговорить съ нимъ, познакомиться поближе, и предъ вами открывался чудный душевный человѣкъ, плѣняющій своимъ добродушіемъ.

Сень - Сансъ говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ объ А. Г. Рубинштейнѣ: «Я былъ на второмъ концертѣ Рубинштейна и съ первыхъ же звуковъ я былъ пораженъ! Затѣмъ концерты слѣдовали одинъ за другимъ и я не пропустилъ

ни одного изъ нихъ. Никому неизвѣстный еще вчера «Antoine Rubinstein» — сегодня уже былъ знаменитъ. Мнѣ предложили представить меня триумфатору; но при всей своей молодости, — ему было тогда всего только двадцать восемь лѣтъ, — и не смотря на свою репутацію чрезвычайной обходительности, — онъ внушалъ мнѣ чувство ужаснаго страха; мысль увидѣть его вблизи, заговорить съ нимъ — положительно пугала меня. Только въ слѣдующемъ году, при его второмъ появленіи въ Парижѣ, я осмѣлился предстать предъ нимъ. Рубинштейна, очевидно, трогали наивность и искренность моего увлеченія имъ. Я былъ счастливъ встрѣтить настоящаго артиста, свободнаго отъ той мелочности, которая, къ сожалѣнію, такъ часто присуща, самымъ большимъ талантамъ!»

Сравнивая игру Рубинштейна съ исполненіемъ

Листа, Сень-Сансъ замѣчаетъ, что при всей чарующей прелести обоихъ, они отличались другъ отъ друга: «Листъ напоминалъ орла, Рубинштейнъ — льва. Тѣ, кто видѣлъ, какъ эта *бархатная лапа* обрушивается на клавиатуру свою могучую ласку, — никогда не забудетъ этого. Общимъ у обоихъ великихъ артистовъ было *превосходство*. Ни тотъ, ни другой никогда не былъ тѣмъ, что называютъ «le pianiste»; даже исполняя очень просто самыя ничтожныя пьесы, они оставались великими, только въ силу величія своей натуры; живыя олицетворенія искусства, — они, помимо обычнаго восхищенія, внушали нѣкоторый священный ужасъ и потому дѣлали чудеса». Въ исполненіи Рубинштейна рѣзко выступала его личность. Исполнялъ ли онъ Моцарта, Шопена, Бетховена или Шумана, во всемъ была видна индивидуальность Рубинштейна. И за это — говорить Сень-Сансъ, — его нельзя было ни хвалить, ни еще менѣе порицать, потому что онъ не могъ дѣйствовать иначе: лава вулкана, не течетъ ровно и спокойно, какъ вода рѣки».

Къ этому мнѣнію извѣстнаго композитора — не могу не прибавить, что другой, близкій намъ композиторъ П. И. Чайковский въ одномъ изъ своихъ автобіографическихъ писемъ говоритъ: «я хотѣлъ и сильно, но никогда не могъ, приблизиться къ А. Г. Рубинштейну, чувствуя себя передъ нимъ какимъ-то мальчикомъ!» Мнѣ кажется, что П. И. Чайковский, не безъ горечи пишущій о своихъ отношеніяхъ къ Рубинштейну, — именно потому испытывалъ такія ощущенія, что не могъ, или не хотѣлъ приблизиться къ нему. Каждый, кто узнавалъ А. Г. невольно подпадалъ подъ влияніе его удивительнаго добродушія и величавой простоты, истинно гениальной натуры.

Громадныя заслуги А. Рубинштейна въ области искусства невозможно исчислить. Энергія, которою обладалъ покойный, изумительна. Трудно, даже зная всю жизнь его, допустить, чтобы одинъ человѣкъ могъ такъ много сдѣлать... А широкая, не знающая мѣры и счета, благотворительность его! Всѣмъ извѣстны факты пожертвованій покойнымъ громадныя суммы на постройку консерваторіи, а мало кому извѣстно сколько раздавалъ А. Г. бѣднымъ музыкантамъ; учащимся въ консерваторіи и т. д.

Это былъ великій человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ. Лично я, въ своей жизни, не встрѣчалъ, кромѣ А. Г.; никого, предъ кѣмъ бы не задумался встать на колѣни въ порывѣ восторга и благоговѣнія... На мою долю не разъ выпадало счастье разговаривать съ А. Г. и часто близко видѣть его. Я не пропустилъ ни одного концерта съ участіемъ великаго пѣаниста. Нѣсколько разъ присутствовалъ при дирижированіи А. Г. и, наконецъ, въ качествѣ ученика консерваторіи, имѣлъ особенное счастье слушать А. Г. цѣлый вечеръ, когда онъ игралъ только для насъ, учащихся. Этотъ вечеръ я никогда не забуду: онъ былъ оригиналенъ и по обстановкѣ и по

характеру. За нѣсколько дней передъ уходомъ А. Г. съ поста директора, онъ, растроганный просьбами и слезами учащихся, умолявшихъ его остаться, — однажды сказалъ: «Остаться не могу. Это рѣшено безповоротно. Приходите сегодня вечеромъ, — я вамъ буду играть!» Конечно, въ одинъ моментъ вся консерваторія знала объ этомъ подаркѣ А. Г. Залъ (въ старой консерваторіи) уже въ 7 ч. вечера былъ переполненъ учащимися. Въ половинѣ восьмого — просто и спокойно вышелъ на эстраду А. Г. и началъ играть одну вещь за другой, сопровождая каждую какой либо характеристикой или какимъ либо исторически интереснымъ замѣчаніемъ... Не могу простить себѣ, что не записалъ тогда всего, что говорилъ А. Г. Его объясненія были интересны въ музыкально-историческомъ смыслѣ. Незамѣтно пролетѣли два часа, когда А. Г. кончилъ играть, всталъ изъ-за рояля, и проговоривъ: «усталъ!» ушелъ съ эстрады... Какъ очарованные, сидѣли юные слушатели, находясь подъ поражающимъ впечатлѣніемъ игры могучаго виртуоза... Послѣ минутнаго молчанія начался шумъ невообразимый. Молодые голоса кричали до хрипоты. Я вышелъ изъ консерваторіи, шатаясь, какъ пьяный, охваченный какимъ-то новымъ для меня экстазомъ очарованія передъ удивительной, не поддающейся описанію, силой виртуозной передачи А. Г... Слышалъ я много въ моей жизни хорошихъ, извѣстныхъ пѣанистовъ, но никогда, никто не производилъ и не производитъ на меня такого впечатлѣнія... Нѣчто похожее по ощущеніямъ я испыталъ, впрочемъ, значительно позднѣе, увидя въ первый разъ знаменитаго Сальвини — отца въ «Отелло».

Возвращаюсь, однако, къ моему поступленію въ консерваторію. Я былъ принятъ въ классъ пѣнія къ одному изъ извѣстныхъ профессоровъ. Нужно замѣтить, что я уже былъ взрослымъ человѣкомъ и, сдѣлавшись ученикомъ консерваторіи, занималъ довольно приличное общественное положеніе. На первыхъ же порахъ, при представленіи инспектору, я убѣдился, что тутъ своя, совершенно особая, манера отношенія къ учащимся, хотя бы и взрослымъ. Ни до поступленія въ консерваторію, ни послѣ, до настоящаго времени, — я не встрѣчалъ такого олимпійскаго величія и леденящаго тона, какимъ привѣтствовалъ меня г. инспекторъ. Я невольно почувствовалъ себя «ученикомъ», и на нѣкоторое время даже утратилъ способность связно объясниться. Услышалъ я, между прочимъ, отъ г. инспектора, что консерваторія — учрежденіе для людей состоятельныхъ, что для бѣдныхъ людей она — излишняя роскошь и т. п. сужденія, ничѣмъ съ моей стороны не вызванныя. Только въ послѣдствіи я убѣдился, что въ обращеніи г. инспектора было больше позы, чѣмъ внутренняго содержанія. Къ этому, впрочемъ, мнѣ еще придется вернуться...

Въ классѣ профессора пѣнія, къ которому я поступилъ, было 17 человѣкъ учащихся: 15 мужчинъ

Кокленъ въ роли «Сирано де-Бержеракъ».
(Къ гастролямъ).

— 8 НОВЫЙ ТЕАТРЪ. 8 —

и 2 женщины. Люди были все взрослые, разных общественных положений, национальностей и происхождений. Классъ пѣнія помещался въ довольно мрачной комнатѣ верхняго этажа. Рояль да десятокъ стульевъ составляли всю ея обстановку. Отъ учащихся требовалось (по правиламъ) присутствіе въ классѣ отъ начала до конца урока, т. е. съ 10 ч. утра и до 4-хъ—5-ти ч. дня. Въ первый разъ я добросовѣстно сидѣлъ весь урокъ, прослушавъ человѣкъ восемь учениковъ, пока очередь дошла до меня. Голова от-

казывалась что-либо соображать, а уши потеряли способность слышать. Знаю только, что профессоръ, заставивъ меня спѣть двѣ, три гаммы, отпустилъ меня съ миромъ, вѣроятно пораженный моей растерянностью и плохимъ слухомъ. Вообразите себѣ сравнительно небольшую комнату, съ низкимъ потолкомъ, съ оглушительнымъ резонансомъ, гдѣ я просидѣлъ часа три-четыре, почти непрерывно слушая рулады разной силы и тембра теноровъ, баритоновъ и басовъ,—и вы поймете, что творилось со мною, свѣжимъ, непривычнымъ къ такому шуму и треску, человѣкомъ. Въ слѣдующіе дни, познакомившись съ нравами и обычаями класса, я являлся, по возможности, къ своему часу, сохраняя въ свѣжести уши и голову. Специальный предметъ, т. е. пѣніе, преподавался два раза въ недѣлю, въ одни и тѣ же дни. Кромѣ класса пѣнія учащіеся должны были въ остальные дни недѣли посѣщать, такъ называемые, обязательные классы: теорію, классъ обязательный фортепiano, лекціи италіанскаго языка и классъ декламации. Большая часть учениковъ, посѣщая усердно профессора пѣнія, манкировала обязательными предметами. Происходило это, главнымъ

«Власть денегъ».

(Г. Семеновъ-Самарскій въ роли де-Порселэ).

(Рис. С. Панова).

шіе одинъ и тотъ же урокъ съ младенцами,—поминутно становились въ траги-комическое положеніе, такъ какъ «малыши» встрѣчали и провожали гомерическимъ хохотомъ всякій неудачный отвѣтъ

«Власть денегъ».

(Г. Ратовъ въ роли Леша).

(Рис. С. Панова).

тистъ В. Н. Давыдовъ, но онъ скоро, почему-то, ушелъ. Классъ декламации перешелъ къ г. инспектору, который былъ также еще и «профессо-

образомъ, отъ условій, въ которыя были поставлены учащіеся пѣнію. Я уже сказалъ, что все это былъ народъ взрослый, въ возрастѣ отъ 20 до 35 л. И вотъ, представьте, положеніе мужчины съ бородой и усами, который долженъ былъ являться на урокъ элементарной теоріи и попадать въ общество «дѣтвора» въ возрастѣ отъ 9 до 15 л. Это были дѣтмузыканты, учащіеся, въ такъ называемыхъ, «научныхъ классахъ». Несмотря на всю серьезность отношенія къ дѣлу — дѣти всегда останутся дѣтьми. Разумѣется, взрослые люди, отвѣчаю-

субъекта, годнаго имъ въ отцы. Никакое философское отношеніе со стороны взрослыхъ не помогало, а для застѣнчивыхъ людей этотъ классъ былъ пыткой. Конечно, большинство пѣвцовъ совѣмъ переставало (во вредъ себѣ) посѣщать этотъ классъ, а администрація консерваторіи не находила нужнымъ просто разрѣшить этотъ вопросъ, выдѣливъ всѣхъ взрослыхъ въ особую группу, чтобы соблазна не было... Тѣмъ болѣе, что значеніе теоріи и сольфеджіо было особенно необходимо для пѣвцовъ, часто до консерваторіи не имѣвшихъ никакого понятія о музыкѣ вообще... Къ лекціямъ италіанскаго языка относились какъ-то не серьезно и посѣщали ихъ только по обязанности. Болѣе охотно бывали въ классѣ «декламации», которую преподавалъ тогда извѣстный ар-

— ♪ НОВЫЯ АРТИСТКИ ТЕАТРА КОРША. ♪ —

Н. К. Гофманъ.

А. К. Колосова.

ромъ» пѣнія. Подъ руководствомъ новаго профессора классъ декламации пріобрѣлъ новую физиономію, о которой стоитъ поговорить подробнѣе. Для лицъ, обладающихъ даже выдающимися голосами, но не имѣющихъ хорошаго, яснаго произношенія — классъ декламации единственное спасеніе. Это касается большинства русскихъ учениковъ (особенно южанъ), а ужъ объ армянахъ, полякахъ и евреяхъ — и говорить нечего... Казалась бы понятно поэтому, что классъ «исправленіе недостатковъ произношенія» (не совсѣмъ вѣрно называемый «классомъ декламации») долженъ былъ быть «обязательнымъ» безусловно для поющихъ, въ дѣйствительности же, посѣщеніе этого класса было предоставлено усмотрѣнію учащихся... Это — одна изъ ошибокъ въ постановкѣ дѣла. Другая, болѣе важная ошибка — это не достаточно серьезное и тактическое отношеніе преподавателя декламации къ своему классу, выражавшееся въ чересчуръ ироническомъ, насмѣшливомъ способѣ отучать отъ недостатковъ акцента. Ученикъ — армянинъ, еврей или просто косноязычный, шепелявый русскій, выслушивающій при товарищахъ рѣзкія, жесткія замѣчанія, въ родѣ: «Вамъ нельзя учиться декламации съ такимъ акцентомъ. Какимъ вы можете быть пѣвцомъ? Вы, мой другъ, безнадежны!» И, тотъ получалъ отвращеніе къ классу, гдѣ его заставляютъ нравственно страдать. Нетерпѣливый г. преподаватель желалъ заниматься и охотно занимался лишь съ

тѣми, кто не доставлялъ ему хлопотъ, т. е. съ учениками, которые собственно и не нуждались въ исправленіи дикціи.

Иначе обстояло дѣло съ женскимъ классомъ. Уроки декламации посѣщались пѣвицами всегда усердно, а манкирующихъ среди нихъ почти не было. Безпощадный и пронизывающій надъ мужчинами преподаватель — былъ необыкновенно любезенъ съ дамами и при своей декоративно-эффектной наружности очаровывалъ ученицъ, необыкновенно выразительно декламируя образцы русской поэзіи, позируя и рисуясь передъ своей аудиторіей.

Будущіе оперные и концертные пѣвцы нуждаются, въ нашихъ консерваторіяхъ, въ серьезно поставленномъ, организованномъ совершенно иначе, «классѣ дикціи». Во-первыхъ, завѣдующій такимъ классомъ долженъ быть специалистомъ, изучившимъ способы исправленія неясной рѣчи (картавость, шепелявость, буква «л» и т. д.), акцента и другихъ недостатковъ. Обязанъ быть человѣкомъ терпѣливымъ, добродушнымъ и, самое главное, исключительно занятымъ своимъ предметомъ; во-вторыхъ, количество уроковъ въ недѣлю не должно быть менѣе трехъ, чтобы преподаватель чаще провѣрялъ учащихся, слѣдя за ихъ успѣхами; въ третьихъ, преподаватель «класса дикціи» долженъ быть фактическимъ помощникомъ профессоровъ пѣнія, совѣщаясь съ ними о томъ или другомъ учащемся. Это условно важно для успѣха дѣ-

ТЕАТРЪ „ФАРСЪ“.

Г-жа Легаръ въ «Обозрѣніи». (Шаржъ).

НОВЫЙ ТЕАТРЪ.

«Власть денегъ».
(Г. Дагмаровъ въ роли
Ксавье).
(Рис. С. Панова).

ла. Пѣніе и декламація неразрывно связаны между собою, находясь въ зависимости отъ одного и того же «правильнаго дыханія». Такое ясное, вѣрное фзіологическое положеніе, къ сожалѣнію, не признается многими артистами, и что еще печальнѣе,—многими преподавателями пѣнія. Въ мое время профессора пѣнія настолько не интересовались классомъ декламаціи, а преподаватель послѣдней — ихъ классами...

Знаменитый трагикъ Томазо Сальвини (отецъ), по его словамъ, прежде чѣмъ пойти на сцену, учился пѣнію, чтобы научиться правильно распоряжаться дыханіемъ, т. е. иначе «поставить голосъ». Онъ же сообщилъ мнѣ, что въ Италіи, при подготовкѣ къ сценѣ, идутъ рука-объ-руку пѣніе и декламація. Этимъ объясняется звучность рѣчи италіанскихъ артистовъ и обширные діапазоны ихъ голосовъ. Другой, знаменитый артистъ-италіанецъ, баритонъ А. Котоньи—учился специально декламаціи, чтобы выработать ясную дикцію.

Наши консерваторіи, за время своего существованія дали цѣлую армію образованныхъ музыкантовъ-инструменталистовъ (скрипачей, віолончелистовъ, контрабасистовъ, флейтистовъ и т. д.), выпустили многихъ виртуозовъ скрипачей, віолончелистовъ; оркестры пополняются исключительно почти бывшими учениками консерваторій; классы фортепиано дали цѣлую галерею выдающихся пианистовъ и пианистокъ. Ясно, что эти классы въ консерваторіяхъ поставлены правильно и имѣютъ прекрасныхъ профессоровъ. Къ другимъ, печальнымъ выводамъ нужно притти, заговоривъ о классахъ пѣнія. Известно всѣмъ, что вокальные классы—самое слабое мѣсто нашихъ музыкальных академій. Какъ мало вышло выдающихся пѣвцовъ изъ консерваторій!

А. Крушинскій.

Письма въ редакцію.

М. г., г. редакторъ. Позвольте при посредствѣ Вашего уважаемаго журнала выяснить причину моего ухода изъ театра г. Корша. Я оставила театръ г. Корша безъ всякихъ «трагизмовъ» и ссоръ, только потому, что въ текущемъ репертуарѣ мнѣ не было подходящей работы, ибо намѣченныя къ постановкѣ пьесы не заключали ролей моего амплуа. Что же касается «Звѣзды», то если бы я на нее зарилась, какъ пишетъ г. Шебуевъ, то я свободно могла бы ее сыграть въ прошломъ еще сезонѣ, ибо и г. Коршъ, и г. Синельниковъ мнѣ ее предлагали для бенефиса, но я отказалась.

21 я окончила службу у г. Корша, а съ 23-го я нахожусь на службѣ у г. Ковалевского.

Въ труппу къ г-жѣ Дюковой у меня 15 іюня подписанъ контрактъ на 2 года, но начиная съ августа 1904 г.

Примите и проч. М. Юрѣва.

М. г., г. редакторъ! Въ № 39 «Театра и Искусства» г. Николаевъ, давая отчетъ о празднованіи столѣтія Кіевского театра, между прочимъ, нашелъ съ моей стороны «не тактичнымъ», чтобы не сказать рѣзче» произнесенный мною яко-бы панегирикъ «незабвенному Н. Н. Соловцову».

Что я сдѣлалъ не тактичнаго?

9 сентября въ театрѣ «Соловцовъ» праздновалось столѣтіе Кіевского театра. Какъ оно было отпраздновано — именино-ли

образно или нѣтъ — пусть судитъ публика, наполнявшая зрительный залъ всѣ три повторенія этого праздника.

Согласенъ, что можно тотъ же праздникъ обставить весьма грандіозно, но каждый устраиваетъ праздникъ, сообразуясь со своими средствами. И во всякомъ случаѣ администрація театра стояла на высотѣ задачи, и заботливо собрала все, что только могло отвѣчать данному событію. Достаточно взглянуть на программу вечера, чтобы понять, сколько нужно было затратить на нее и энергіи, и матеріальныхъ средствъ.

Если же она не пришлась по вкусу г. Николаеву, то что же дѣлать? Будемъ утѣшать себя тѣмъ, что присутствовавшая три раза на этомъ скромномъ торжествѣ многочисленная публика горячо выражала свою благодарность какъ дирекціи театра въ лицѣ М. М. Глѣбовой, такъ и всей администраціи его.

Теперь перехожу къ моей тактичности. Читая передъ публикой, какъ выражается г. Николаевъ, «реляцію», я упомянулъ о дѣятельности «незабвеннаго Н. Н. Соловцова».

Имѣлъ-ли я на это право? Отвѣчаю съ полнымъ убѣжденіемъ: да!

Праздновалось столѣтіе Кіевского театра. Совершенно вѣрно. Но въ жизни этого учрежденія, въ его дѣятельности на пользу общественную, лица въ видѣ антрепренеровъ играютъ первенствующую роль. Вправдѣ-ли мы, хотя-бы даже въ бѣгломъ очеркѣ, указать на тѣ имена, которые способствовали развитію этого учрежденія? Полагаю, что на этотъ вопросъ двухъ отвѣтовъ быть не можетъ. И было бы очень грустно, если бы это было иначе. Въ чемъ бы выражалась тогда оцѣнка общественному дѣятелю, если бы о его дѣяніяхъ не говорили современники, а впослѣдствіи исторія? Я лично знаю, съ какимъ восторгомъ отзываются о дѣятельности въ г. Казани бывшаго антрепренера, а теперь артиста с-петербургскихъ Императорскихъ театровъ П. М. Медвѣдева; знаю, какъ чтутъ его имя, и нѣтъ основанія предполагать, чтобы время уничтожило воспоминаніе о немъ.

Что же касается «незабвеннаго Н. Н. Соловцова», то его дѣятельность совершенно свѣжа въ памяти кіевлянъ. Я второй сезонъ въ Кіевѣ и другихъ, кромѣ восторганныхъ, отзывовъ о Соловцовѣ, не слыхалъ. Н. Н. Соловцовъ служилъ искусству и кіевскому обществу въ теченіи одиннадцати лѣтъ. Какимъ былъ театръ до прибытія его въ Кіевъ и до какой высоты поднялъ его Соловцовъ, благодаря своему дарованію, энергіи и любви къ искусству, это внаетъ не только кіевлянинъ, но каждый русскій театралъ.

Что же я позволилъ себѣ не тактичнаго, если я въ моемъ непретенціозномъ словѣ упомянулъ о блестящей дѣятельности Н. Н. Соловцова?

Я отдаю себя въ этомъ случаѣ на судъ всѣхъ моихъ товарищей-артистовъ и жду отъ нихъ безпристрастнаго мнѣнія.

Режиссеръ Кіевского театра «Соловцовъ». *Ир. Матковскій*

М. г.! Въ прошломъ сезонѣ на сценѣ петербургскаго театра Литературно-Художественнаго Общества шла переведенная мною съ нѣмецкаго пьеса Мейеръ-Ферстера «Alt Heidelberg» — «Наслѣдный принцъ» выдержавшая; въ Германіи болѣе 2000 представлений.

Съ удивленіемъ я узналъ на-дняхъ, что та же пьеса переведена нѣсколько мѣсяцевъ спустя гг. Матерномъ и Воротниковымъ подъ заглавіемъ «Въ старомъ Гейдельбергѣ» и въ скобкахъ «Наслѣдный принцъ». Пользоваться придуманнымъ мною заглавіемъ, гг. Матернъ и Воротниковъ не имѣли ни малѣйшаго права и поступокъ ихъ очень похожъ на контрафакцію. Нужно замѣтить, что переводъ ихъ изданъ г. Разсохинымъ и что очевидно при требованіи «Наслѣднаго принца» онъ высылаетъ пьесу «Въ старомъ Гейдельбергѣ», благо гг. переводчики не постѣснялись поставить въ скобкахъ заглавіе моего перевода. Во избѣжаніе недоразумѣній считаю долгомъ поставить въ извѣстность гг. антрепренеровъ, что пьеса «Alt Heidelberg», изданная журналомъ «Театръ и Искусство» въ моемъ переводѣ, носитъ только одно названіе «Наслѣдный принцъ».

Θ. Латернеръ.

„Юлій Цезарь“ въ Художественномъ театрѣ.

(Письмо изъ Москвы).

Художественный театръ началъ въ этотъ четвергъ спектакли и сыгралъ „Юлія Цезаря“. Постановка, на которую Художественный театръ перевынулъ весь центръ вниманія,—поистинѣ грандіозная. Она оставила далеко позади все, что до сихъ поръ видѣли русскія сцены и перешагнула за „идеалы“ „мейнингенцевъ“. Внѣшнему искусству сцены,—искусству инсценированія—дальше идти некуда.

Театръ поставилъ себѣ задачу—воскресить на подмосткахъ античный Римъ. Трагедія Шекспира была къ тому предлогомъ, какъ для Шекспира цезарскій Римъ былъ предлогомъ, чтобы разработать гамлетовскую психологию Брута. И, призывая на помощь всѣ чудеса декоративнаго и режиссерскаго искусства, вооружившись широкимъ знакомствомъ съ римскими древностями, театръ блестяще выполнилъ такую задачу. Смѣло развернулъ онъ широкую историческую картину, которой позавидовалъ бы самъ Семпрасій, во всей безумной роскоши южныхъ красокъ и со всѣмъ трепетомъ далекой, но живой и захватывающей правды.

Раздался первый занавѣсъ,—и зашумѣлъ, загудѣлъ сотнями голосовъ Римъ—пестрый, наглый, кишащій грубою чернью, до лохмотьевъ возносившій идеалы и чувства республики, бросающійся очертя голову въ тѣсныя объятія единовластія, захлестываемый волнами политическихъ честолюбій. Римъ, надъ которымъ скоро взойдетъ кровавая звѣзда Нероновъ и Калигулъ, и начнется его страшная агонія. Воскресло не только мраморное тѣло города-владыки, воскресла его атмосфера,—то, въ чѣмъ была душа его каменной громады. Это была великолѣпная лекція по исторіи древней культуры, замѣнившая слова пластическими фигурами.

Первая сцена, съ тройнымъ рядомъ домовъ, между которыми то сползаютъ внизъ, то карабкаются въ гору улицы, особенно сложна по постановкѣ. За то она сразу вводитъ *in medias res*, въ сердце эпохи. Вся площадь залита толпою. Поднымъ темпомъ бежитъ пульсъ южнаго города, и мечутся въ глаза ярко-типичныя лица. Толпа разработана поразительно. Она полна разнообразія и пестроты и въѣстъ охвачена единствомъ колорита и массовой психики. Она живетъ коллективною душою, подвижная и измѣчивая, какъ волны моря. Чернь цезарскаго Рима, разнузданная, оборванная и, вмѣстѣ, сочно-красочная. И ясно, что она—воскъ въ ловкихъ рукахъ честолюбца. Своевольная, заносчивая, нагло-дерзкая и нищенски-трусливая, она идетъ на приманку лести. Лстивый честолюбецъ сдѣлаетъ съ нею, что захочетъ его честолюбіе. Потокая ея капризизмъ, онъ подчинитъ ее своему капризу. Эта толпа залетѣтъ криками восторга республиканскія рѣчи доврчиваго Брута, но черезъ минуту вкрадчивое слово Антонія вооружитъ ее дреколиями и обрушитъ на того-же Брута. На ней легко строить величіе, но зыбкій эго фундаментъ, изъ песка. У Шекспира—эта чернь въ намека. Въ Художественномъ театрѣ—въ мастерской, детальной картинѣ.

Съ такимъ-же мастерствомъ инсценированы и другія сцены; вездѣ—образцовое сочетаніе исторической вѣрности и красоты. Садъ Брута, гдѣ собираются на туманомъ разсвѣтѣ, закрывъ тогами лица, заговорщики; домъ Цезаря, съ золотою мозаикою по стѣнамъ, со всѣми деталями домашняго обихода; мраморный сенатъ, гдѣ проливается кровь Цезаря, изъ которой должна подниматься, обновленная, свобода Рима, но поднимается только Октавій. Эта сцена убійства у статуи Помпея, смѣненіе сенаторовъ, и бури толпы за стѣнами сената даютъ громадное впечатлѣніе. Съ тѣмъ-же совершенствомъ поставлена сцена на форумѣ, у трупъ Цезаря. Геніальная у Шекспира, бросающая свою красоту на все произведение, она здѣсь отдѣлана въ оправу великолѣпной сценической постановки, подавляющей разнообразіемъ, незатихающимъ моремъ звуковъ, въ которомъ то замирающій, то поднимающійся до бури, до раскатовъ грома говоръ толпы сливается свои волны со стenanіями плакальщицъ, съ рыданіями Кальпурніи и траурными налѣвами. И на этомъ звуковомъ фонѣ—рѣчи Брута и Антонія. Увы, блѣдныя, незамѣтныя... Не потому, что фонъ излишне ярокъ, а потому, что у ораторовъ Художественнаго театра нѣтъ достаточной силы, увлекательности—у Брута, тонкости—у Антонія.

Истинные образцы режиссерской изобрѣтательности и вкуса—три картины поля битвы подъ Филиппами. Битва на сценѣ театра—непреодолимое препятствіе. Всегда отдавало опереткой. Грандіозное, грозное превращалось въ смѣхотворную чепуху. Художественный театръ нашелъ выходъ, воспользовавшись тѣмъ, что у него разбояны подмостки. Всю среднюю часть сцены, поперекъ, онъ низко опустилъ и далъ глубокой, широкій оврагъ. Тамъ скучились войска; видны лишь верхушки шлемовъ, мелькаютъ значки, острія копій, доносится гулъ переступающихъ ногъ, лязгъ стали. И полная иллюзія несмѣтнаго войска, надвигающагося на врага, напирющаго на смѣну его мечей, завязывающаго первыя схватки, по временамъ выбрасывающаго на высокіе холмы береговъ оврага отдѣльныя кучки воиновъ или военнопленныхъ. А кругомъ широкій горизонтъ, убѣгающій въ неразличимую даль горы и поля. И такая постановка дала возможность придать полную правдоподобность даже сценѣ переговоровъ между вождями обоихъ лагерей. Тѣ и другіе—на далекихъ краяхъ лоцины, съ высотъ бросаютъ одни дру-

гимъ въ лицо брань и вызовъ. По смѣлости и оригинальности режиссерской выдумки и по красотѣ декоративнаго выполенія эти три заключительныя батальныя картины—лучшія во всемъ спектаклѣ. Онѣ заставляютъ вострепнуться и обновиться вниманіе, слишкомъ утомленное и притупленное громаднымъ спектаклемъ.

Такова эта сторона постановки „Юлія Цезаря“. Она безупречна, она властно подчиняетъ себѣ. И только гдѣ-то въ глубинѣ шевелится мысль: эта блестящая побѣда—не побѣда-ли она Пирра? Театръ—не Художественный, а театръ вообще,—не можетъ удержаться на такой высотѣ инсценировки. Онъ сорвется съ нея. И онъ погубитъ себя. Онъ исчерпалъ всѣ свои возможности въ этомъ направленіи. Надо сворачивать, можетъ быть—поворачивать назадъ. И, кто знаетъ, добравшись до этихъ вершинъ и увидавъ, что до солнца поэзіи все-таки такъ-же далеко,—онъ скатится вновь, къ аншлагамъ шекспировскаго театра съ надписями: „садъ“, „зала дворца“, „поле битвы“, къ символамъ вмѣсто реальныхъ декораций?

Вслѣдъ за театромъ, и зрители невольно перемѣстили главную тяжесть вниманія и интереса съ трагедіи на обстановку, съ драмы сталкивающихся страстей на картины Рима. Было-бы несправедливой обидой театру сказать, что онъ игнорировалъ самую трагедію, ея внутреннее содержание, которое и здѣсь, несмотря на широкое участіе массы—въ индивидуальной психологии. Исторія всегда интересовала Шекспира только какъ психологическій матеріалъ, и онъ изъ нея запасовъ черпалъ потому, что такъ могъ шире осуществить носившіяся предъ нимъ психологическія и моральныя задачи.

Не можетъ быть, думается, и сомнѣнія, что, хотя трагедія зовется „Юліемъ Цезаремъ“, ея истинный герой—Брутъ. И не Брутъ, какъ представитель республиканскаго Рима или республиканскихъ идеаловъ, даже не какъ опредѣленная историческая личность, а какъ форма, въ которой удобно помѣщалось извѣстное состояніе души, въ ту пору завладѣвшее вниманіемъ геніальнаго художника, въ которомъ уже „зрѣла пѣсня“—образъ Гамлета. Возвышенный душевный и нравственный строй, силою вещей или собственныя убѣжденія, сдѣланнымъ роковыхъ случайностей или свойствами историческаго момента выталкиваемый изъ своей атмосферы благороднаго созерцанія, изъ горнихъ обителей духа и сводимый лицомъ къ лицу съ необходимостью сотворить грубое дѣло жизни, вмѣстаться въ ея гущу и погрузить руки въ кровь. Эта тема захватила Шекспира въ „Цезарѣ“. И было-бы благодарной задачей сдѣлать параллель между римскимъ героемъ и датскимъ принцемъ, зачатый и выношенный во чревѣ того же шекспировскаго настроенія. Я не берусь за эту параллель. Но я хотѣлъ повторить здѣсь намеки на нее, брошенный Брандесомъ, чтобы было яснѣе, почему мнѣ рисуется Брутъ съ печатью глубокой думы на лицѣ, съ благородною скорбью, съ возвышеннымъ лиризмомъ, какъ жертва великаго раскола въ его собственной душѣ мыслителя, которому приходится быть политикомъ и убійцею,—идеалиста, которому надо быть практикомъ и палачомъ.

Этого образа не далъ Брутъ Художественнаго театра г. Станиславскій. Я. плохо различалъ контуры его замысла. Иногда казалось, что ему больше всего хочется изобразить героя пламеннаго темперамента, пылкаго римлянина, которымъ владѣетъ неудержимый потокъ чувствъ. Я не знаю, можетъ быть это даже и ближе къ историческому Бруту. Но пламенность—мало въ средствахъ г. Станиславскаго, артиста ума, а не темперамента, характерности, а не ярко горящихъ чувствъ. Его сценическій темпераментъ не особенно большой подвижности, онъ туго воспламеняется и умѣренно заражаетъ. И его рѣчь—немного тяжелая. Русская меланхолическая рѣчь. Такова же и мимика. Много было сыграно съ извѣстнымъ драматизмомъ, съ вѣтшею пластичностью. Но одинаково не было ни Брута, который сродни Гамлету, ни того Брута, котораго, повидимому хотѣлось артисту. И этотъ центральный остовъ, ось трагедіи, принимался холодно. Можетъ быть, потому весь спектакль воспринимался тяжелѣе, чѣмъ нужно.

Художественною побѣдою надо считать исполненіе г. Качаловымъ роли Цезаря. У Шекспира роль—почти эпизодическая, въ полномъ разрывѣ съ образомъ историческимъ, съ тѣмъ геніальнымъ колоссомъ, котораго рисуетъ хотя-бы Момзевъ. Конечно, г. Качаловъ даетъ только шекспировскаго Цезаря, съ мелкою душою, трусливаго, падакаго на лесть, политически-близорукаго, физически-немошнаго, притворяющагося лишь великимъ. Это было и выпукло, и вмѣстѣ мягко.

Н. Э.—г.

ТЕАТРЪ ЛИТ.-ХУДОЖ. ОБЩЕСТВА.

«Вчера» В. О. Трахтенберга.

Г. Мальскій въ роли Граппа.

Изъ записной книжки.

На дняхъ умеръ Александръ Ивановичъ Дѣяновъ. Постоянные читатели «Театра и Искусства», вѣроятно, помнятъ его прелестные рассказы, помѣщенные въ 1897—8—9 гг.—настоящіе «bijoux», по граціозности, легкости и беззаботной поэзіи. Рассказы у него были коротенькіе, сюжеты простые, несложные, событія самыя обыкновенныя. Въ «Периколѣ» онъ рассказывалъ объ опереточной актрисѣ, которая упорно отвергаетъ разныя ухаживанья, а потомъ отдается — съ какой-то языческой простотой. Въ рассказѣ «Пажъ» онъ передаетъ исторію хористки. Есть у него «Скрипачъ», періодически мѣняющій женъ, и всякій разъ играющій одну и ту же элегію Эрнста, съ тѣмъ же выраженіемъ романтической грусти. Есть и много другихъ. Они прелестны по колориту, такому свѣжему и горячему. Какую бы грустную исторію Дѣяновъ ни рассказывалъ, — желаніе жить, жить во что бы то ни стало, «пить жизнь» смѣлыми глотками, какъ замороженное шампанское — составляло его основную черту.

И какъ водится, именно этотъ жизнерадостный человекъ умеръ рано, на 41 году жизни.

Трепетъ жизни — настоящей, не «головной» — черта рѣдчайшая въ наше время. Какъ мнѣ приходилось уже отмѣчать, культъ «языческой жизнерадостности», поклоненіе и обожествленіе инстинкта, явились какъ реакція противъ печальной дѣйствительности. Головою жаждутъ того, въ чемъ отказывается душа; распыленною мечтою живутъ тамъ, гдѣ физическая природа безсильна. Поэтому гимнъ жизни обыкновенно скрываетъ въ себѣ затаенную грусть, маскируетъ основной пессимизмъ, и всегда выходитъ съ болѣзненнымъ надрывомъ. Просто жить потому, что «хорошо на этомъ свѣтѣ, господа!», просто радоваться на жизнь и безсознательно обожать ее — всѣ эти свойства истиннаго оптимизма — вымираютъ въ наши хмурые дни.

Я любилъ покойнаго А. И. Дѣянова именно за эту безпечальную «ласковость взгляда», съ которою онъ озиралъ жизнь. Онъ былъ благодушенъ и привѣтливъ. Онъ смѣялся надъ тѣмъ, что кажется смѣшнымъ, былъ чувствителенъ ко всему интересному, и подобно Алкивиаду, «хоталъ надъ мудрецами и влюбленными глазами на прекрасную глядѣлъ». И «прекрасная» его — была жизнь...

Я часто встрѣчался съ нимъ въ театрѣ, гдѣ онъ, какъ и я, исполнялъ должность рецензента: я — обыкновенно раздраженный тѣмъ, что плохо, и немѣренно восхищенный тѣмъ, что — хорошо; онъ — всегда бладушно смѣющийся надъ тѣмъ, что плохо, и пріятно удовлетворенный тѣмъ, что хорошо. Онъ набрасывалъ свои рецензіи короткими, отрывочными фразами, въ которыхъ не было ни тѣни докторальности, онъ намѣренно пренебрегалъ всякимъ анализомъ, и въ то же время отличался чуткостью, наблюдательностью и остроуміемъ. Онъ никогда не носилъ, въ качествѣ рецензента, мундира, оффиціально сему званію присвоеннаго, но былъ всегда въ пиджакѣ, и говорилъ о спектаклѣ языкомъ добраго знакомаго. И хотя иногда мнѣ становилось обидно за это обывательское пренебреженіе, но чаще я думалъ о томъ, что эта свобода сужденій проистекаетъ именно изъ непосредственности и простоты отношенія къ театру.

Къ дарованію онъ былъ поразительно чутко. Никакими техническими ухищреніями нельзя было скрыть отъ него отсутствіе дарованія, и наоборотъ, какъ бы слаба ни была техника, онъ всегда угадывалъ талантъ. И при этомъ ни лицепріятія, ни пристрастія, ни знакомствъ, ни закулисныхъ сношеній. Это не было серьезно, пожалуй, все, что онъ писалъ о театрѣ, но всегда свѣжо, откровенно, ясно...

Пріятель, съ которымъ мы перебрасывались въ антрактѣ мимолетными впечатлѣніями, отошелъ въ лучший міръ. Я былъ на похоронахъ. Не придава-

Карриатура на Вагнера.
(Къ открытію памятника).

шій значенія своему дарованію, Дѣяновъ, естественно, былъ мало популяренъ въ литературной средѣ. Эта среда не любитъ расточителей, и чрезвычайно благосклонна къ скопиdomамъ. Неудивительно, что было мало литераторовъ. И совсѣмъ не было актеровъ. Ни одного. Это еще менѣе удивительно, потому что, кажется, ни онъ никого не зналъ изъ этой среды, ни съ нимъ никто не былъ знакомъ. Онъ писалъ

легко о театрѣ; его легко читали. Вотъ и все.

Его погубила — въ смыслѣ созданія чего нибудь прочнаго и значительнаго — эта легкость. Ему слишкомъ легко давалось его писаніе. Онъ слишкомъ легко и быстро воспринималъ впечатлѣнія, и такъ же легко дѣлился ими. Усиліе пугало его, какъ все непріятное въ жизни. А онъ не любилъ ничѣмъ отягощать ее... Жизнь была ему легка. Пусть будетъ ему легка земля!..

Состоялись — мимо — здомъ или мимо — летомъ — три гастролы Коклена-старшаго. Быть можетъ, самое

Карриатура на Вагнера.
(Къ открытію памятника).

любопытное въ этихъ гастроляхъ — необыкновенная, поразительная подвижность французскаго артиста, безъ усталости, безъ отдыха и срока, переѣзжающаго съ мѣста на мѣсто, несмотря на свои 60 лѣтъ, *bien sonnés*, какъ говорятъ французы.

Послѣдній этапъ предъ Петербургомъ у Кокленъ былъ Стокгольмъ. Въ какой-то газетѣ я видѣлъ расцѣнку мѣста на гастроляхъ Кокленъ, Оказывается, что въ Стокгольмѣ самое дорогое мѣсто стоило около 2 р. 50 к., т. е. почти столько же, сколько у насъ — самое дешевое. Такимъ образомъ, назначая цѣны, импрессарио французскаго артиста соображался не съ тѣмъ, во что ему самому обходятся издержки турнэ, но съ тѣмъ, «колько можно зобати», по выраженію «Рус. Правды». У насъ же, чѣмъ выше, скажу — чѣмъ нелѣпѣе цѣны, тѣмъ значительнѣе кредитъ артиста въ глазахъ публики, и едва ли не самое рѣшительное средство рекламы — это возвышенныя цѣны, напримѣръ, 15 руб. первый рядъ, какъ у Вальцевой.

Знаете ли, чѣмъ больше всего знаменитъ Кокленъ? Своими дружественными отношеніями къ Гамбеттѣ. Весьма возможно, что Кокленъ даже снимался на одной фотографіи съ Гамбеттой, предвосхитивъ, такимъ образомъ, г. Шаляпина, снѣвагося съ Горькимъ. Въ Парижѣ дружественныя отношенія съ Гамбеттой создали ему популярность, а популярность въ Парижѣ есть капиталъ всемірный. Вотъ почему мой искренній совѣтъ отечественнымъ знаменитостямъ, если уже разстраивать себѣ желудокъ омарами соус-реклама, то лучше это дѣлать въ Парижѣ — разстройство одно и тоже, а результатъ — всемірный.

Кокленъ — сухой актеръ. Какъ всѣ «сухіе комики», онъ хорошъ только тамъ, гдѣ комическое положеніе переходитъ въ буффонаду. Онъ отлично читаетъ юмористическіе монологи, и очень смѣшонъ въ молюеровскихъ «Жеманницахъ». Вообще, Кокленъ играетъ Молера съ сильнымъ буффоннымъ оттенкомъ, и такова, будто бы, сценическая традиція французскаго театра. Я не вѣрю въ незыблемость традицій. Только тѣ традиціи имѣютъ значеніе, которыя являютъ собой не одно простое упорство, но консервативно-прогрессивное начало, т. е. умѣряютъ движеніе впередъ оглядкою назадъ. Молюеръ конечно, остался тотъ же, но нашъ взглядъ на Молюера, наше пониманіе его и наши отъ него требованія не могли, въ теченіи вѣковъ, не претерпѣть измѣненій. Такимъ образомъ, традиція — традиціей, но нужно отвѣчать и современнымъ требованіямъ, которыя переросли буффонаду стараго театра. Мнѣ лично манера исполненія молюеровскихъ ролей П. М. Медвѣдевымъ нравится гораздо больше, чѣмъ грубая откровенность комическихъ пріемовъ французскаго артиста.

Въ «Тартюфѣ» Кокленъ совсѣмъ неинтересенъ. Его Тартюфъ кажется ограниченнымъ сластолюбцемъ. Въ немъ нѣтъ пѣтизма, мало ханжества, мало тонкаго лицемѣрія. Онъ притворщикъ крайне наивный, такъ что, какъ въ стринныхъ куплетахъ, одна половина лица Кокленъ плачетъ въ то время, какъ другая — смѣется. Типъ Тартюфа крайне упрощается и принижается, и все связанное въ нашемъ воображеніи съ этимъ типомъ, всѣ многочисленныя обобщенія этого типа, дѣлающія его мировымъ, начинаютъ казаться намъ выдумкою комментаторовъ.

Впрочемъ, Кокленъ былъ другъ Гамбетты, и актеръ прекрасной дикціи. Уважимъ двѣ эти первостепенныя заслуги.

Homo novus.

Письма изъ Саратова.

Сезонъ начали съ 11 сентября. Для насъ это называется нѣкоторымъ опозданіемъ. Съ древнихъ временъ Саратовскій театръ открывался по меньшей мѣрѣ въ началѣ названнаго мѣсяца или даже, традиціонно, 30 августа. Для театральнаго кассы это опозданіе выгодно: пока въ воздухѣ не запахнетъ дѣйствительно зимнимъ сезономъ, сборы въ Саратовскомъ театрѣ обыкновенно плохи; старое, нѣсколько мрачное зданіе, не снабженное снаружи почти никакой зеленью, гдѣ бы въ антрактахъ можно было отдохнуть отъ лѣтней духоты, мало въ это время привлекаетъ публику. Г. Соболюшковъ, видимо, принявъ во вниманіе эти «мѣстныя» условія, рѣшилъ нарушить традиціи и не ошибся въ расчетѣ. Съ перваго спектакля до сихъ поръ публика охотно наполняетъ театръ почти каждый вечеръ.

Само собою разумѣется, первое время посвящено «дебютамъ», «выходамъ», которые на нынѣшнихъ афишахъ выражаются описательно: «съ участіемъ такого-то, или такой-то». Въ теченіе этихъ двухъ недѣль «проучаствовали» всѣ главныя силы и мы можемъ составить нѣкоторое общее представленіе о дѣйствующей группѣ. Первое мѣсто — дамамъ.

Сильно-драматическія героини, повидимому, будутъ дѣлиться между г-жами Дальской, Шебуевой и Соколовской. Первой придется играть особъ салонныхъ; амплуа г-жѣ Шебуевой и Соколовской — драматическія бытовья. Г-жа Дальская начала съ Кондоровой въ «Нищихъ духомъ» и, сказавъ правду, не совсѣмъ удачно. Если угодно, нѣкоторая доля темперамента обнаруживалась и въ этотъ вечеръ, но для Кондоровой отсутствовалъ надлежащій подъемъ, — по крайней мѣрѣ въ известномъ тогѣ за нищихъ духомъ. Но болѣе существенный недостатокъ это неопытность, неуверенность. Неважно, неясно показались намъ и дикція; выразительность многихъ фразъ пропала несомнѣнно поэтому. Общее впечатлѣніе было таково, что на г-жу Дальскую надеждъ питать нельзя. Теперь, послѣ ряда другихъ ролей, намъ ясно, что вину за такую неудачу артистка должна взять на себя: она не Кондорова. Леди Мильфордъ въ трагедіи Шиллера и Настя въ пьесѣ Горькаго — это двѣ совершенно разнородныя роли, въ которыхъ г-жа Дальская заявила себя артисткой полезной и съ дарованіемъ. Многое выработается потомъ, мелкія подробности явятся съ болѣе тщательной работой, а пока очевидно, что у г-жи Дальской есть хорошія данныя для хорошей актрисы. — Г-жа Шебуева наша давнишняя знакомая и объ ней распространяться нечего. Мы знаемъ, что она въ своемъ обширномъ репертуарѣ, драматическомъ и комическомъ, является крупной силой. — Г-жа Соколовская лѣтъ пять тому назадъ играла на саратовской сценѣ роли разныя: и старыхъ дѣвъ, и страдающихъ приживалокъ, и хитрую мамку въ «Царѣ Теодорѣ». Теперь артистка желаетъ заниматься другимъ дѣломъ: она дебютировала въ Марьицѣ въ «Каширской старинѣ». Судить по одному спектаклю не беремся, но пока можно сказать, что мы видѣли прежнія достоинства: опытность и теплый тонъ.

Драматическія инженеру будутъ находиться, главнымъ образомъ, въ распоряженіи г-жи Чарусской. По внѣшнему складу это идеальная исполнительница для такихъ ролей: фигура, лицо, голосъ — все такъ, какъ нужно для юныхъ, страдающихъ или мечтающихъ женщинъ. Марикка въ «Огняхъ Ивановой ночи» сыграна горячо и мѣстами съ захватывающимъ чувствомъ. Въ слѣдующіе спектакли мы испытали маленькое разочарованіе; боимся что г-жа Чарусская внесетъ недостаточно разнообразія въ разнохарактерныя роли; боимся, что на Марикку будутъ походить и многія другія дѣвушки и барышни. — На роли комическихъ инженеру имѣются г-жи Славянская и Вадимова. Первая хорошо известна намъ по прошлогоднему сезону, а вторая, насколько это выяснилось, должна ограничиваться пока водевильными ролями. — Драматическихъ инженеру старшаго возраста, повидимому, будетъ изображать г-жа Карелина-Раичъ официально состоящая въ званіи грандъ-кокетъ. Она сыграла «Блестящую карьеру», Клару въ «Горнозаводчикѣ», Софью въ «Горѣ отъ ума», и др. Дѣятельность, какъ видите, разнообразная... Тѣмъ не менѣе я затрудняюсь охарактеризовать способности артистки. Думается, что у г-жи Карелиной лучше пойдутъ наивныя, кокетливыя барышни (не очень, однако, юныя), чѣмъ страдающія обманутыя женщины. — Г-жи Трефилова, Рѣшимова и Клименко призваны играть старухъ; съ сожалѣніемъ, нельзя рассчитывать на успѣхъ двухъ послѣднихъ. Г-жа Рѣшимова держится хотя и увѣренно, а въ генеральшѣ Алекиной даже развязно, но чувствуется, что артистка не принадлежитъ къ опытнымъ и часто слишкомъ *дѣлаетъ* тонъ, *дѣлаетъ* жесты, а у г-жи Клименко, пока нѣтъ ни тона, ни жеста. Остается, слѣдовательно, г-жа Трефилова. Кажется, что она съ должнымъ успѣхомъ вынесетъ на себѣ амплуа отвѣтственныхъ старухъ. Пошлемъ почтенной артисткѣ маленькій упрекъ за исполненіе бродяги въ «Огняхъ Ивановой ночи»: не нужно столько мелодраматизма въ этой и безъ того сказочной героинѣ, похожей на Бабу-Ягу. — О прочихъ вторыхъ и малыхъ

силахъ, приглашенныхъ подыгрывать другимъ, сейчасъ ничего нельзя сказать, кромѣ развѣ того, что количество ихъ достаточное.

Мужской персоналъ сильнѣе, хотя отсутствие фата замѣтно; для Карабанова въ «Нишихъ духомъ» г. Соболюшкинъ не подходитъ; роль этого весьма лютаго шулера изъ породы Кречинскихъ артисту не удалась. Любовники и героические молодые люди находятся въ распоряженіи гг. Петрова-Краевского и Двинскаго. Послѣдній служилъ на саратовской сценѣ въ прошломъ году и заявилъ себя артистомъ безспорно умнымъ, вдумчивымъ и способнымъ. Можно поручиться, что ни одна роль, если она взята не изъ другого вѣдомства, не будетъ испорчена. По меньшей мѣрѣ г. Двинскій отмѣтитъ главныя и характерныя черты изображаемаго лица; детали могутъ не удался, драматической силы можетъ не хватить, но общая фizioномія будетъ дана. О Петровѣ Краевскомъ рѣшительное сужденіе мы отложимъ, а по тѣмъ немногимъ ролямъ, которыя намъ пришлось видѣть, позволительно сказать, что у нашего премьера есть замѣтные дефекты. Прежде всего артистъ производитъ впечатлѣніе чего-то вялаго, не достаточно отзывчиваго на различные толчки сценической жизни. Кажется, именно драматическая игра пойдетъ не сильно, неярко, какъ-то скудно. Такъ сыгранъ Фердинандъ («Коварство и любовь»). Гораздо больше артистъ понравился намъ въ «рубашечномъ» любовникѣ г. Горькаго; для Васки Пепла эта нѣкоторая медленность въ движеніяхъ, въ заявленіи переживаемыхъ чувствъ, пожалуй, даже умѣстна. Изъ новыхъ знакомыхъ мы сейчасъ же можемъ назвать цѣнными пріобрѣтеніями гг. Тройницкаго и Вадимова. Это не значитъ, что все сыгранное было безупречно; напротивъ, г. Тройницкому плохо удалась такая роль, какъ городничій, а г. Вадимовъ жестоко измѣлилъ Фамусова. Но за то во многихъ другихъ роляхъ эти артисты предъявили намъ крупныя закомченныя дарованія. Превосходно г. Тройницкій сыгралъ Исидора Леша въ новой пьесѣ Мирбо; безупреченъ и необычайно типиченъ Бубновъ въ «На днѣ», очень хорошъ Столбцовъ въ «Новомъ дѣлѣ»; живое, характерное лицо Фогельрейтеръ въ пьесѣ Зудермана. Тѣ же похвалы приходится повторять и г. Вадимову за Вурма («Коварство и любовь»), за Сатина у Горькаго, за Платона Ильича въ маленькой пьескѣ г. Чирикова. Гримъ обоихъ названныхъ артистовъ отличается рѣдкимъ разнообразіемъ и полнымъ соответствіемъ изображаемому характеру. Приличный благородный отецъ г. Костюковъ (генералъ Алексинъ); хорошимъ дополненіемъ къ ансамблю въ отвѣтственныхъ роляхъ является г. Дагмаровъ; по всѣмъ видимостямъ, живой и осмысленный исполнитель веселыхъ молодыхъ людей г. Высоцкій; а г. Борисовъ... пока неясенъ, но какъ-будто тяжеловатъ вообще. Гг. Соболюшкинъ, Михаленко и Мартыновъ — тѣ же хорошіе и пріятные знакомые, съ которыми въ нѣсколькихъ роляхъ, переданныхъ съ полнымъ успѣхомъ, саратовская публика сроднилась еще въ прошломъ году.

О всемъ составѣ труппы и о каждомъ въ отдѣльности намъ еще придется говорить не разъ. Придется, по всей вѣроятности, сдѣлать кое-какія поправки, измѣненія, дополненія къ вышеизложенному. Пока представляю лишь общія размышленія на основаніи первыхъ впечатлѣній, а дальше — будетъ видно.

Къ выдающимся спектаклямъ отнесемъ пока новыя для саратовскаго театра вещи: «На днѣ», «Власть денегъ» Мирбо и «На дворѣ во флигелѣ» г. Чирикова. Объ этихъ пьесахъ, какъ и объ исполненіи ихъ, поговоримъ въ слѣдующій разъ. Туда же, въ слѣдующее письмо, отнесемъ и выдающіяся представленія изъ стараго репертуара.

Оба.

ПРОВИНЦІАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ТИФЛИСЪ. Зимній сезонъ открылся. Господа театралы изъ числа обладающихъ даромъ предвидѣнія, уже заранѣе толкуютъ о предстоящей борьбѣ между двумя антрепренерами: «солистомъ» Н. Н. Фигнеромъ и скромнымъ драматическимъ антрепренеромъ Н. Д. Красовымъ. Кто кого? На сторонѣ г. Фигнера съ перваго взгляда шансовъ какъ будто-бы больше: во-первыхъ, его имя и участіе его въ спектакляхъ не въ качествѣ гастролера, а въ теченіе цѣлаго сезона; во-вторыхъ, обаяніе казеннаго театра, по которому публика соскучилась; въ третьихъ, солидная, на широкую ногу поставленная опера, которую тифлиссѣ больше года не слышали. Всѣ эти обстоятельства, казалось, даютъ право думать, что побѣда на сторонѣ г. Фигнера, а между тѣмъ среди опытныхъ театраловъ «акція» г. Красова котируется гораздо выше и за него охотнѣе держатъ пари нежели за г. Фигнера. Да и самъ г. Фигнеръ сомнѣвается и весьма откровенно въ успѣхъ своего предпріятія. Г. Фигнеръ боится чрезмѣрныхъ расходовъ. По его расчету ему необходимо брать на кругъ по 1,100 р. (?) въ вечеръ, чтобы съ честью и безъ убытка довести сезонъ до конца. Въ своемъ стараніи во что бы то ни стало поднять сборы, г. Фигнеръ сдѣлалъ оплошность, увеличивъ цѣны на

всѣ мѣста и устраивая по субботамъ «галла-спектакли» по значительно повышеннымъ цѣнамъ. Публика наша, какъ и всякая другая, не любитъ, чтобы съ нея брали больше, чѣмъ она привыкла платить обыкновенно, и всякое повышение цѣны на мѣста вызываетъ ропотъ неудовольствія и отражается на сборахъ, тѣмъ болѣе что съ художественной стороны опера г. Фигнера далеко не оправдала возложенныхъ на нее надеждъ.

Когда появились предварительныя замѣтки (еще лѣтомъ), гдѣ мелькнули имена гг. Антоновскаго, Клементьева и другихъ извѣстныхъ артистовъ, у нашихъ театраловъ глаза заискрились, но увѣ! опубликованный передъ началомъ сезона составъ труппы погасалъ огонь во взорахъ. Труппа составлена частью изъ молодыхъ никому неизвѣстныхъ пѣвицъ и пѣвцовъ, частью изъ артистовъ давно пережившихъ свою славу или же никогда не претендовавшихъ на особую извѣстность. Пѣвцы прошлаго, пѣвцы будущаго, но настоящаго почти ни одного. Очевидно антрепренеръ г. Фигнеръ рассчитываетъ главнымъ образомъ на обаяніе пѣвца Н. И. Фигнера, который, получая солидную сумму за выходъ и обязательный пѣть не менѣе четырехъ разъ въ недѣлю поглотить львиную часть бюджета.

Сезонъ открылся 20 сентября оперой «Евгеній Онѣгинъ». Было много помпы, много торжественности, много внѣшняго блеска и неособенно богатое внутреннее содержаніе. Хорошо, безусловно, оркестръ подъ властной и опытной рукой г. Еспо-зито. О хорѣ этого сказать нельзя, хотя онъ и превышаетъ свою численностью (52 чел.) прежніе хоры, но звучитъ далеко не полно и порой даже фальшиво. Художественная часть подъ управленіемъ самого Фигнера, взявшаго себѣ двухъ помощниковъ: главнаго режиссера Н. Н. Боголюбова и просто режиссера г. Бѣльскаго, осталась въ прежнемъ состояніи.

Въ администраціи казеннаго театра произошли нѣкоторыя перемѣны. До сихъ поръ дирекція состояла изъ одного директора и его помощника. Нынѣ дирекцію обратили въ учрежденіе коллегіальное въ составѣ 3 хъ директоровъ: свѣтлѣйшаго князя Грузинскаго, генералъ-маіора Ерофеева и по іполковника Алимова (бывшаго помощника директора). Штаты по сооруженію личнаго состава значительно сокращены. При прежней дирекціи содержаніе всѣхъ служащихъ обходилось въ 36 тысячъ, теперь сумѣли довести расходъ до 24 тыс. р.

Все же двѣ тысячи рублей въ мѣсяцъ на однихъ служащихъ — расходъ изрядный. Такія изрядныя траты отчасти объясняютъ образовавшійся за послѣдніе годы дефицитъ. Вѣроятно, въ виду такихъ расходовъ, субсидируемый казною театръ сланъ г. Фигнеру не бесплатно, а за перспективную плату въ 125 р., при чемъ и вѣшалка и буфетъ составляютъ доходъ дирекціи, а не антрепренера.

На покрытіе долговъ тифлискаго казеннаго театра отпущено 71,897 р. 43 к. съ тѣмъ, чтобы расходованіе этой суммы производилось по обревизованію тифлискаго контрольному палатой, счета долговъ театра и оправдательныхъ документовъ. Ревизія еще не производилась.

Теперь о г. Красовѣ. Онъ начинаеть сезонъ недѣлей позже г. Фигнера, очевидно, желая присмотрѣться къ своему конкуренту и опредѣлить, насколько конкуренція эта опасна. По условію съ артистическимъ обществомъ г. Красовъ обязанъ ставить 4 спектакля въ недѣлю. Изъ остальныхъ трехъ дней одинъ отходитъ подъ обычныя среды общества, а два предоставлены армянской труппѣ. Уплачивая по 200 руб. за спектакль, г. Красовъ отъ армянской труппы будетъ получать 280 руб. Труппа у г. Красова не особенно дорога, такъ что даже при не особенно блестящихъ сборахъ, расходы должны окупиться. Кромѣ того у г. Красова имѣется солидная заручка въ видѣ поѣздокъ въ города Кутаисъ, Батумъ и Елисаветполь, гдѣ онъ предполагаетъ ставить спектакли въ свободные дни. Въ прошломъ сезонѣ подобныя поѣздки дали г. Красову солидную прибыль... Впрочемъ... цыплятъ по осени считаютъ.

Пенснѣ.

НОВОЧЕРКАССКЪ. Зимній сезонъ въ Новочеркасскомъ городскомъ театрѣ открылся при чрезвычайныхъ условіяхъ. Первый спектакль «Свѣтитъ да не грѣетъ» состоялся и прошелъ при переполненномъ театрѣ и весьма приличномъ исполненіи 8-го сентября; второй же «Докторъ Штокманъ» состоялся уже 16-го сентября и едва ли далъ сотню рублей сбора... Дѣло въ томъ, что мѣстная администрація на основаніи осмотра вѣданія театра особой комиссіей запретила постановку въ немъ спектаклей впредь до исправленія и укрѣпленія наиболее опасныхъ частей стараго театра. Осмотръ этотъ состоялся чуть ли не наканунѣ открытія, постановленіе о закрытіи театра еще не успѣло войти въ законную силу до перваго спектакля, который и состоялся. Отмѣнены были послѣдующіе спектакли, что вызвало настоящую панику къ публикѣ. Весьма многіе изъ новочеркасскихъ обывателей теперь и близко не подходятъ къ театру, боясь, что отъ вѣтохости онъ обвалится. А жалъ, такъ какъ антрепренеру нашему, кажется, удалось составить весьма недурную труппу. Да и зданіе театра совсѣмъ ужъ не такая, на мой взглядъ, развалина, какъ рѣшили гг. инженеры. Что же касается до опасности въ пожарномъ отношеніи, то лично я, напр., съ боль-

шимъ спокойствіемъ пойду въ нашъ старый деревянный театр, чѣмъ въ любой каменный.

Благодаря наступленію дождливой погоды лѣтній сезонъ, кажется, уже совершенно закончился и съ весьма недурнымъ исходомъ какъ для арендатора ретонды г. Бекъ-Назарянца, такъ и для его компаніона г. Бабенко-Невского. Послѣ отъѣзда отлично заработавшей малорусской труппы М. К. Ярошенка, въ нашъ лѣтній театръ явилось на три гастроляхъ спектакля отдѣленіе подвизающейся въ Ростовѣ малорусской же труппы г. Волика съ М. К. Заньковецкой во главѣ и взяло три почти полныхъ сбора. Давно ужъ не игравшая въ Новочеркасскѣ г-жа Заньковецкая встрѣчена была публикой, можно сказать, восторженно. Къ сожалѣнію, благодаря раздѣленію труппы, часть которой въ то же время играла въ Ростовѣ, спектакли прошли съ слабаватымъ ансамблемъ, что и вызвало со стороны одного изъ мѣстныхъ рецензентовъ рѣзкій отзывъ обо всей труппѣ г. Волика.

НИЖНИЙ-НОВГОРОДЪ. 19 сентября зимній сезонъ открылся пьесой г. Потапенко «Чужіе». Дальнѣйшій репертуаръ былъ: «Казнь», «Старый баринъ», «Цѣна жизни», «Люди» и «Родина». Утренніе воскресные спектакли по уменьшеннымъ цѣнамъ начались «Лѣсомъ».

Первый спектакль не далъ обычнаго полного сбора (сборъ былъ 700 руб.). За истекшую недѣлю всего собрано 2400 р., — нѣсколько болѣе прошлогоднихъ сборовъ за этотъ-же періодъ. Наибольшіе сборы дали «Чужіе», «Казнь» (выходъ г-жи Арди-Свѣтловой), «Старый баринъ» (выходъ г. Горева) и «Родина». Слабые сборы дали: «Цѣна жизни» (112 р.) и «Люди» (менѣе 100 р.). Новостью является приглашеніе отдѣльнаго режиссера г. Бороздина, раздѣляющаго режиссированіе съ г. Басмановымъ.

Электрическое освѣщеніе теперь отъ города. Плата вдвое дешевле. Званіе управляющаго театромъ упряднено. Г. Басмановъ, очевидно, рѣшилъ постепенно знакомить публику со вновь приглашенными артистами, при чемъ для лучшихъ силъ труппы ставились и излюбленные имъ пьесы, поэтому судить о репертуарѣ еще рано. Скажу только, что такой приемъ едва ли можетъ быть названъ удачнымъ. Публика не сразу можетъ вѣрно опредѣлить силы труппы.

Группа въ общемъ подобрана лучше прошлогодней, особенно мужской персоналъ. Гвоздемъ труппы является извѣстный заслуженный артистъ Императорскихъ московскихъ театровъ Ф. П. Горевъ, выступавшій въ «Старомъ баринѣ» (Опольевъ), «Цѣнѣ жизни» (Морской) и въ «Родинѣ» (Шварцъ). Талантливый артистъ пользуется большимъ успѣхомъ. Затѣмъ начинаютъ пріобрѣтать симпатію публики гг. Бороздинъ, Стрѣгановъ и Кремлевъ. Г. Бороздинъ чаще другихъ выступалъ. Артистъ недюжинный. Особенно удачно исполнена была имъ роль Мокея («Люди»). Г. Стрѣгановъ, выступавшій въ роляхъ Годды («Казнь»), Маркелла («Люди») и пастора («Родина») показалъ свои разносторонніе способности и сразу пріобрѣлъ симпатію публики. Г. Кремлевъ — на роляхъ любовниковъ. Артистъ еще молодой и окончательно не выработавшійся, но имѣетъ хорошія данныя. Недостатокъ его рѣзкое подчеркиваніе сильныхъ мѣстъ, а иногда и переигрываніе («Казнь» роль Викентіа). Обладаетъ задушевностью. Изъ женскаго персонала выдѣляются г-жи Арди-Свѣтлова и Максимова. Г-жа Арди-Свѣтлова выступала въ роляхъ Кеты («Казнь»), Анны Викторовны Демуриной («Цѣна жизни») и Магды («Родина»). Это умная и опытная артистка, умѣющая беречь свои силы. Наиболѣе ей удалась роль Демуриной. Въ роляхъ же Кеты и Магды ей не доставало типичности изображенія, а иногда и силы чувства. Нижній регистръ голоса звучитъ симпатичнѣе высокаго, который рѣзокъ. Г-жу Максимова пришлось, къ сожалѣнію, увидать только въ одной большой роли Ольги («Люди»), которую она провела просто и изящно. Думаю, что она будетъ имѣть успѣхъ.

Вторые персонажи подобраны не такъ удачно, особенно женскіе. Декоративная часть составляетъ желать лучшаго.

Н. Сафоновъ.

КИНЕШМА. Музыкально-драматическій кружокъ имени А. Н. Островскаго открылъ зимній сезонъ 21 сентября. Поставлены были: «Безприданница» и «Дочь русскаго актера». Составъ труппы: Т. И. Ларина—героиня и grande coquette, М. М. Холмская—ingénue dramatique, М. Н. Поварго—ingénue comique и водевили съ пѣніемъ, А. П. Энгельгартъ—grande dame и старуха, К. В. Ланина—второй роли, П. М. Корсаковъ—герой резонеръ и фатъ, Н. А. Киселевъ—любовникъ, С. С. Головинъ—комикъ, М. А. Тиминъ—простакъ, К. О. Покровский—второй роли; режиссеръ—П. М. Корсаковъ, помощникъ—К. О. Покровский, суфлеръ—А. Ф. Каринъ. По первому спектаклю труппа произвела хорошее впечатлѣніе.

Въ тотъ же день состоялось годичное общее собраніе членовъ кружка, отчетный годъ котораго начинается съ 1-го сентября. Изъ прочитаннаго на собраніи отчета правленія видно, что въ предыдущемъ году кружкомъ устроено ровно 100 спектаклей, гуляній и народныхъ чтеній, въ томъ числѣ 12 спектаклей поставлено на фабрикахъ и въ селахъ. Общее число посѣтителей было болѣе 33,000. Въ безплатной библиотекѣ кружка читателей за годъ состояло 871, ими сдѣ-

лано 12,265 посѣщеній. Годовой бюджетъ кружка около 12,000 руб., изъ нихъ свыше 3,000 покрыто субсидіей попечительства о народнѣй трезвости.

НОВНО. Городской театрѣ на Рождества снятъ М. И. Черновымъ. 21-го сентября открылись спектакли пьесой: «Герой 1-й Имперіи» (Маламъ Санженъ). Въ составъ труппы вошли: г-жи З. И. Черновская (героиня), А. И. Горская (драм. старуха гранъ-дамъ), Полонская (инженеръ драм.), Искритская (инженеръ ком.), Зайцева (гранъ-кокетъ), Дурново (ком. старуха); гг. М. И. Черновъ (режиссеръ, характ. роли), П. Н. Муромцевъ (ком. резонеръ), И. Э. Инсаровъ (любовникъ), В. И. Свѣтловъ (простакъ), А. А. Богдановскій (резонеръ), Л. Г. Арди (2-й ком. резонеръ), А. А. Богатовъ (суфлеръ), Л. И. Чарейскій (2-ья роли). Спектакли предполагаютъ ставитъ ежедневно, кромѣ субботы, когда театрѣ предоставляется для любительскихъ спектаклей, вокальныхъ вечеровъ и проч. Ковенскому музыкальному обществу. По субботамъ г. Черновъ будетъ ставить спектакли въ народномъ домѣ. Прошедшая недѣля дала сбору около 1200 рублей.

Желательно, чтобы постановка пьесъ была бы болѣе типична въ декоративномъ отношеніи. Имѣющіяся въ театрѣ декорации слишкомъ стары, бутафорія и реквизитъ не удовлетворяютъ самымъ снисходительнымъ требованіямъ.

В. З-а.

НИШИНЕВЪ. 16 сентября въ Пушкинской аудиторіи состоялось открытіе зимняго сезона пьесой «Соколы и вороны».

До настоящаго времени (23 сентября) поставлено было: «Соколы и вороны», «Отрава жизни», «Таланты и поклонники», «Между дѣломъ», «Арказановы», «Женитьба Бѣлугина» и «Мертвый сильнѣе живого». Въ пьесѣ «Арказановы» въ роли богача-помѣщика Наварыгина имѣлъ большой успѣхъ г. Петросьянъ, выдѣлились также г-жа Токарева (Варвара Арказанова) и г-жа Ильина (Ольга Арказанова). Въ «Талантахъ и поклонникахъ» выдѣлился г. Лавровъ, а въ пьесѣ «Между дѣломъ» г-жи Луганова, Дмитріева, Шебуева; г. Правдинъ дебютировалъ съ успѣхомъ въ «Женитьбѣ Бѣлугина».

19 сентября состоялся первый очередной концертъ музыкальныхъ классовъ мѣстнаго отдѣла Императорскаго Русскаго музыкальнаго общества, съ участіемъ новаго директора классовъ, композитора М. В. Сербулова (скрипка), пианиста-виртуоза Карла Вейриха (преподаватель классовъ) и виолончелиста Г. Д. Фельдштейна. Исполнены были преимущественно произведенія Бетховена, Венявскаго и др.

Д. Креммеръ.

УФА. 22 августа закончился у насъ лѣтній сезонъ. Оперная и опереточная труппы, ожидавшія къ 15 юля, не пріѣхали и г. Струйскому пришлось съ оставшимися въ городѣ 6-ю артистами довести сезонъ до конца (согласно контракту, необходимо было дать 80 спектаклей). Несмотря на то, что вся труппа состояла изъ 6-ти лицъ (Смирновъ, Валуа, Струйскій, Моравская, Бауеръ и Кручинина), спектакли посѣщались охотно и вмѣсто ожидавшагося дефицита, г. Струйскій закончилъ сезонъ съ небольшимъ плюсомъ.

Съ 21-го сентября въ зимнемъ театрѣ Общества Распространенія Физическихъ Упражненій начнутся спектакли пріѣхавшей къ намъ на зимній сезонъ драматической труппы, подлѣ управленіемъ С. А. Орловскаго, который отремонтировалъ театр, завелъ электрическое освѣщеніе; всѣ декорации пишутся новыя. Сезонъ открывается, какъ сказано на предвѣстительномъ объявленіи, гастролями артистки с.-петербургскаго Художественнаго театра (!) Я. А. Стальской и артиста Императорскихъ театровъ П. Н. Разманова. Составъ труппы слѣдующій: женскій персоналъ: г-жи Е. П. Зорелия, А. Д. Карпова, Е. В. Горская, Т. П. Каренина, Т. И. Новицкая, С. Д. Зарницкая, Л. А. Кречетова, Е. П. Соболевская, Е. Н. Яхонтова; гг. С. А. Орловскій, К. С. Усольцевъ-Сибирякъ, В. С. Негоревъ, Е. И. Доринъ, Г. А. Аркадьевъ, М. Г. Волковъ, П. И. Корякинъ, А. С. Леонтьевъ, С. И. Лилинъ, С. Д. Девени, К. И. Бреславскій, И. Ф. Невскій, Г. Н. Бояринсовъ, Н. И. Васильевъ.

М. А-улъ.

РЕПЕРТУАРЪ

С.-Петербург. Императорскихъ театровъ.

Въ Александринскомъ театрѣ. 6-ю октября: «Пустоцвѣтъ», 7-ю: «Дѣло», 8-ю: «Воспитатель Флакманъ», 9-ю: «Вопросъ», 10-ю: «Пустоцвѣтъ», 12-ю: «Зимняя сказка».

Въ Михайловскомъ театрѣ. 6-ю октября: «Безъ вины виноватые», 7-ю: «L'aventure», — «Le juif polonais», 8-ю: «Миссъ Гоббсъ», 9-ю: «L'aventure», — «Le juif polonais», 10-ю: «Безъ вины виноватые», 11-ю: «La famille de brosseur», 12-ю: «La famille de brosseur».

Въ Марининскомъ театрѣ. 6-ю октября: «Лакмэ», 7-ю: «Гугеноты», 8-ю: «Лакмэ», 9-ю: «Сарацинъ», 10-ю: «Ромео и Джульетта», 12-ю, утромъ: «Самсонъ и Далила; вечеромъ: «Раймонда», бал.

Редакторъ Я. Р. Кутель.

Издательница З. В. Тимофеева (Холмская).

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ПАНАЕВСКИЙ ТЕАТРЪ

Дирекція: А. И. Иванова и С. О. Сабурова.

ВЕСЕЛЫЙ ЖАНРЪ: Комедія-фарсъ, оперетта-обозрѣніе „Revue du jour“.

Подъ режиссерствомъ С. О. Сабурова

Репертуаръ: 5-го Октября въ 3-й разъ: „КРЫМСКАЯ ИДИЛЛІЯ“, комедія-шутка 3 д. С. О. Сабурова. „МАМЗЕЛЬ ТУРБИЛЬОНЪ“, фарсъ 3 д. „ОБОЗРѢНІЕ“, 1 и 2 кар.—6-го: „ТАИНА ОДНОГО СУНДУКА“, фарсъ 3 д. „МЕБЛИРОВАННЫЯ КОМПАТЫ КОРОЛЕВА“, фарсъ 2 д.—7-го, во 2 разъ: „БРАЧНЫЕ МОСТКИ“ (La passerelle), комедія 3 л. пер. С. О. Сабурова. „ОБОЗРѢНІЕ“, 1 и 2 кар. „ЖЕНСКАЯ АПТЕКА“, 1 д.—8-го, въ 3 разъ: „БРАЧНЫЕ МОСТКИ“, комедія 3 д. „МАМЗЕЛЬ ТУРБИЛЬОНЪ“, фарсъ 3 д.—9-го, въ 4 разъ: „БРАЧНЫЕ МОСТКИ“, комедія 3 д. „ТАИНА ОДНОГО СУНДУКА“, фарсъ 3 д.—10-го, въ 5 разъ: „ДВУЛИЧНЫЙ МУЖЪ“, комедія-шутка 3 д. С. О. Сабурова. „ОБОЗРѢНІЕ“, 1 и 2 кар. „ЖЕНСКАЯ АПТЕКА“, 1 д. 1-й выходъ извѣстной исп. цыганскихъ романсовъ М. А. Зориной.—11-го, въ 1 разъ: „ДАМА ОТЪ КОМИСАРА“, фарсъ 3 д. „ДАМА ОТЪ МАКСИМА“, фарсъ 3 д. 2-й выходъ М. А. Зориной.

НОВЫЙ ТЕАТРЪ НЕМЕТТИ

Петербургская сторона.

Труппа Русскихъ Драматическихъ артистовъ

подъ управленіемъ И. И. Судьбинина.

— ДРАМА и КОМЕДІЯ. —

Ежедневные спектакли.

По Воскреснымъ и праздничнымъ днямъ утренніе спектакли по значительно уменьшен. цѣнамъ. По Понедѣльникамъ и Средамъ общедоступные спектакли по уменьшеннымъ цѣнамъ.

Вышли изъ печати:

- 1) „ВЧЕРА“ въ 4 д. В. О. Трахтенберга (новин. петерб. Малаго театра) ц. 2 р.
- 2) „№ 13“ въ 2 карт. С. А. Найденова, ц. 60 к.
- 3) „ВЫСШАЯ ШКОЛА“ въ 4 д. И. Н. Потапенко (ближайш. новинка петерб. Александр. и москов. Малаго театра).

Имѣются цензуров. экземпляры указанныхъ пьесъ.

ГОТОВЯТСЯ КЪ ПЕЧАТИ

слѣдующія новыя пьесы, изд. журнала „Театръ и Искусство“:

- 1) „Искушеніе“ въ 4 д. И. Н. Потапенко (намѣчена къ постановкѣ на сценѣ петерб. Малаго театра въ октябрѣ).
- 2) „Богатый человѣкъ“ („Деньги“) въ 4 д. С. А. Найденова (постановка въ ноябрѣ въ Маломъ театрѣ въ Петерб. и въ театрѣ Корша).
- 3) „Злая сила“ въ 4 д. Т. Майской (постановка на сценѣ Алексан. театра въ ноябрѣ).
- 4) „Княжна Зоренька“ въ 4 д. А. И. Косоротова.

Лица, желающія получить названные пьесы (можно цензурованныя), немедленно по выходѣ изъ печати, благоволятъ заблаговременно заявить конторѣ журнала, которая исполнитъ требованія наложеннымъ платежомъ.

Лучшее косметическое средство,

дѣлающее лицо свѣжимъ и чистымъ

Кремъ КАЗИМИ

Метаморфоза

противъ ВЕСНУШЕКЪ.

Доказательствомъ подлинности средства противъ веснушекъ служить

подпись *Calimi*

и приложенный при каждой банкѣ рисунокъ „ИСТОЧНИКЪ КРАСОТЫ“.

Безъ подписи *Calimi*

и рисунка, утвержденного Департаментомъ Торгов. и Мануфактуръ. за № 4683—

ПОДЪЛКА.

Продается во всѣхъ аптекарск. парфюм. магаз. и аптекахъ.

Пьесы для бенефисовъ

(хорош. роли главн. ампула. Дали поля. сборы въ Вильгѣ, Двинскѣ, Гроднѣ).

„ПОТОПЪ“ (Павъ Володѣевскій) изъ сочин. польск. писателя
 Картины изъ исторіи Польши и Речи Посполитой
 „ОГНЕМЪ и МЕЧЕМЪ“ др. изъ исторіи Польши и Литвы. СЕНКЕВИЧА

Обѣ пьесы въ перед. С. Трефляева, безуслов. разрѣш. Прав. Вѣст. № 171, 1903 г.

Прод. у Разсехина, Москва.

Театръ „ЛАССАЖЪ“

(Невскій, 48, Итальянская, 19). * Телефонъ № 2779.

Дирекція В. А. Казанскаго.

Комическая опера, оперетта, обозрѣнія, балетъ, дивертиссементъ (по праздникамъ утренніе дѣтскіе спектакли).

Сезонъ 1903—1904 г.

ЕЖЕДНЕВНЫЕ СПЕКТАКЛИ

СОСТАВЪ ТРУППЫ: Розалія Ламбрекъ, М. А. Шарпантье, З. Ф. Бауэръ, Е. Н. Мяслютина, М.-ле Риза Нордстремъ, М. Н. Воронцова-Леня, М. А. Дези-Дорнь, Е. Л. Легатъ, Е. Д. Никитина-Пальмская, М. П. Арлани, М. Н. Марина, А. А. Саржиская, Д. С. Лозинская, А. И. Ярцева, Н. Г. Свѣрскій, М. С. Дальскій, А. Д. Кошевскій, П. М. Шелиховъ, А. Д. Каменскій, Н. Н. Николаевъ-Маминъ, М. Н. Ворченко, И. И. Коржевскій, И. А. Частяковъ, Г. И. Инсаровъ, С. И. Шатовъ, М. И. Навичъ, Н. К. Мартыненко, А. Г. Суриятъ, Хоръ 60 человѣкъ. Оркестръ 25 человѣкъ. Балетъ 25 человѣкъ. Гл. капел. В. И. Шапчукъ и С. М. Грабовскій. 2-й дирижеръ О. К. Кассаръ. Репетиторъ: Н. И. Очерева. Хормейстеръ: А. Ф. Богдановъ. Валетмейстеръ: И. А. Частяковъ. Главн. режиссеръ В. К. Травскій. Помощникъ режиссера С. И. Калининъ.

Билеты можно получать въ кассѣ театра ежедневно съ 10 ч. у. до 9 ч. веч., а въ дни спектаклей до окончанія. Билеты, заказанные по телефону, сохраняются до 7 час. веч.

Администрація: Г. И. Вестеръ и Л. А. Леонтьевъ.

Театры С.Пб. Городского Попеч. о народной трезвости.

Народный домъ Императора Николая II.

Въ Воскресенье, 5-го Октября, днемъ въ 1 часть: „ВИНДЗОРСКІЯ КУМУШКИ“, оп. Николай; вечеромъ: „КНЯЖНА ЗОРЕНЬКА“ (Зеркало), драм. фантазія.—6-го: „1812-й годъ, ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА“.—7-го: „СОНЪ НА ВОЛГѢ“, оп. Аренскаго.—8-го: „КАШИРСКАЯ СТАРИНА“, драма Аверкіева.—9-го: „ЦАРСКАЯ НЕВѢСТА“, опера Римскаго-Корсакова.—10-го: первое представ. большой обст. пьесы „СЕВАСТОПОЛЬ“ (Мать сыра земля), историч. хроника въ 5 д. 9 карт. Соч. П. Оленина. Вся новая обстановка. Участв. до 250 человѣкъ.—12-го днемъ: „КНЯЖНА ЗОРЕНЬКА“ (Зеркало), др. фантазія; вечеромъ: „ДЕМОНЪ“, оп. Рубинштейна.—13-го: во 2-й разъ „СЕВАСТОПОЛЬ“ (Мать сыра земля), историч. хроника въ 5 д. 9 карт.—16-го: первое представленіе оперы: 1) „РАФАЭЛЬ“, муз. Аренскаго. 2) „ПРИНИЦЫ ДОМИГЪ“ (Гензель и Гретель), муз. Гумпердинка.

Нач. спект. дневныхъ въ 1 часть, вечернихъ ровно въ 8 час.

ТЕАТРЪ ОБЩЕДОСТУПНЫЯ РАЗВЛЕЧЕНІЯ (б.Стеклян. зав.).

Въ Воскресенье, 5-го Октября: „ХИЖИНА ДЯДИ ТОМА“, драма въ 6 карт.—7-го: Спектакля не будетъ.—9-го „ДВѢ СИРОТКИ“ др. въ 8 карт.—12-го: „РИШЕЛЬЕ“, др. въ 9 карт.

Завѣдыв. театр. частью А. Я. Алексѣевъ.

Вышла въ свѣтъ „НЕРОНЪ“

трагедія въ 5 дѣйствіяхъ, въ стихахъ, Пьетро Косса, переводъ съ итальянскаго княгини Вѣры Гоакимовны Волконской. Цѣна 60 коп.

3—2

ВНИМАНІЮ АРТИСТОКЪ M-me EUGÈNIE

Изящн. скорое исполн. дамск. нарядовъ по послѣдн. мод. Парижа и Вѣны. Покрой франц. Цѣны умѣрен. Артисткамъ скидка 10% и разсрочка платежа. Измайловск. полкъ, 12 рота собственный домъ, 12.

6077

52—4

Трико для театра

шелковое, фильдекосовое, шерстяное, готовое и на заказъ, скоро и аккуратно рекоменд. складъ чулочныхъ издѣлій.

Д. ДАЛЬБЕРГЪ.

Гороховая, д. 16.

Товаръ высылается наложеннымъ платежомъ. 10—1

ТЕЛЕГРАММА.

100 визитныхъ карточекъ съ золотыми образами съ фотографіей заказчика на лучшей заграничной бристольской бумагѣ, изящно исполненныхъ, высылаются налож. платежъ за 2 руб. съ перес., для Сибиря прасчитывается часть въсѣхъ по полученіи фотографическ. карточекъ, которая возвращается обратно вмѣстѣ съ заказомъ. Желательны подписи должны быть обозначены ясно. Адресъ: Товарищество „ЛЕБЕДЬ“ Варшава.

6084

Новая пьеса

„МАРСЕЛЬСКАЯ КРАСОТКА“

въ 4 дѣйств. Пьера Бертонна, пер. В. Л. Винштока. Можно получать изъ театральной бібліотеки М. А. Соколовой. Москва, Тверская ул., д. Фальцъ-Фейнъ.

6092

1—1

КАРАМЕЛЬ

изъ травъ отъ кашля

„КЕТТИ БОССЪ“

В. Семадени въ Кіевѣ.

Главн. складъ у АЛЕКСАНДРА ВЕНЦЕЛЬ. С.Петербургъ, Гороховая 33. Цѣна металл. кор. 25 к. Мал. кор. 15 к.

Продается вездѣ.

6081

13—2

Я. БЕККЕРЪ

ПОСТАВЩИКЪ

Его Величества Императора Всероссийскаго.

Уг. Невскаго и Казанской пл., 18-27.

РОЯЛИ, ПИАНИНО.

Иллюстрирован. каталоги бесплатно.

Высшія награды на
ВЫСТАВКАХЪ
Парижъ 1900 г.
GRAND PRIX
и единственное отличіе
ОРДЕНЪ ПОЧЕТНАГО ЛЕГІОНА
(офицерскій крестъ).

Вышелъ I выпускъ роскошнаго изданія ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ИСТОРІЯ РУССКАГО ТЕАТРА XIX ВѢКА.

Подписная цѣна за 8 выпусконъ
12 РУБ., съ дост. въ СПБ. 13 Р.; съ
ПЕРЕСЫЛКОЮ ВЪ ГОР. ИМПЕРІИ 14 Р.

Допуск. разср. 2 р. при подп. и затѣмъ ежемѣсячно по одному рублю, при обращеніи въ редакцію.

Подписка принимается въ лучшихъ книжныхъ магазинахъ С.-Петербурга, ИНОГОРОДНЫЕ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО АДРЕСУЮТЪ ТРЕБОВАНИЯ И ДЕНЬГИ на имя редак.-издателя Ив. Ник. Божерянова, С.-Петербургъ, Верейская, д. № 5, кв. 5. 1—1

Н. Г. Шумовъ

др. люб. герой свободенъ на зимній сезонъ. Адр. СПбуртъ, Горный Институтъ, 6091 тутъ, кв. 17. 2—1

СУФЛЕРЪ

свободенъ зимній 1903—4 гг. сезонъ. Адресъ: Москва, „Театральн. Бюро“ Н. И. Васильеву.

Въ театральныхъ бібліотекахъ С. Ф. Разсохина и М. А. Соколовой можно получать новую пьесу

„НЕУДАВШЕЕСЯ СВАТОВСТВО“

ком. въ 2 д. 3 кр. (съ польскаго), А. Чеховича (къ пред. дозволено безусловно) Правит. В. 6090 № 207. 1—1

ПРОДАЮТСЯ ПАРТИТУРЫ ОПЕРЪ, ОПЕРЕТТЪ

весь матеріалъ къ нпмъ (оркестры), клавиры съ текстами франц., нѣмец., а рус. Обращаться почтой или лично. С.-Петерб. Литейный пр., д. 6060 № 60, кв. 1. Отъ 10 до 1 дня. 4—4

Вышла изъ печати

„СОВРЕМЕННЫЙ ДОНЪ-ЖУАНЪ“

перелѣлка „Маркиза де Приода“—изъ репертуара В. П. Далматова.

(Литографированная)

др. въ 3 д. Н. Э. Гейнце п. 2 р. Обращ. въ контору жур. „Театръ и Искусство“.

FABRIQUE DE POSTICHES. JEAN, COIFFEUR de DAMES

Morskaja, 5.

Téléphone 3446.

№ 6065.

12—2.

Дозволено цензурою С.-Петербургъ, 4 октября 1903 г.

Типографія Спб. 1-ва „Трудъ“, Фонтанка, №6.